

ИЗЪ ДНЕВНИКА СТАРАГО КАВКАЗЦА.

Аулъ Эрпели. 20-го ноября 1869 года.

Послѣ шести съ половиною мѣсячной стоянки въ лагерѣ, на всевозможныхъ позиціяхъ, насъ, 21-го октября, послали на зимнія квартиры въ аулъ Эрпели.

Аулъ этотъ находится въ двѣнадцати верстахъ отъ областного города Темиръ-Ханъ-Шуры. Жители его не отличаются отъ жителей остальныхъ ауловъ Дагестана: живутъ также въ холодныхъ сакляхъ, ходятъ перьями, но всегда при оружїи, и не совсѣмъ долюбиваютъ нашего брата за то, что мы, живя въ ихъ сакляхъ, стѣсняемъ тѣмъ немало хозяевъ.

Насъ, въ двухъ ротѣхъ, четыре офицера; но роты разбросаны по разнымъ концамъ аула, и мы, живя при своихъ частяхъ, видимся очень рѣдко. Причина та, что добраться до товарища стоитъ немалого труда. Нужно пройти или оврагъ, или кладбище, по узкимъ грязнымъ улицамъ, наткаться на ямы, на собакъ или на колючій заборъ, а потому большую часть времени или занимаешься въ ротѣ, или проводишь за чтеніемъ.

Однажды я отправился въ роту и началъ приводить въ порядокъ ротную бібліотечку. Въ ней было до 300 книгъ. Были и учебники, и повѣсти Погоскаго, и всѣ уставы, былъ и «Военный Сборникъ» за 1866 годъ, случайно подаренный офицерами.

Разрѣзавъ книгу и подбирая статьи «Военнаго Сборника» одна къ другой, чтобы составить отдѣльныя книжки и изяснить все то, что непонятно нашему солдату, я, въ № 4-мъ, на страницѣ 343, нашелъ статью: о «Сугратлинской переправѣ».

Не знаю, какимъ образомъ ускользнулъ отъ меня этотъ номеръ, и я не прочелъ статьи своевременно. Но она и теперь вѣрно меня заинтересовала. Заинтересовала такъ, какъ заинтересовало бы

пожилую дѣву описаніе бала, гдѣ она участвовала въ молодости и была замѣчена.

Причина та, что я участвовалъ въ этой экспедиціи, и хотя не былъ особенно замѣченъ, но за то отмѣченъ легкою контузіею. Впрочемъ, за эту экспедицію я былъ награжденъ чиномъ подпоручика.

Съ книжкою «Военнаго Сборника» побрелъ я въ свою холодную савлю. Приказалъ затопить каминъ, который одну сторону тѣла грѣбеть, въ то время, какъ противоположная сторона замерзаетъ, потому что савли такъ устроены, что со всѣхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ и теплота не можетъ держаться, а выходитъ вся чрезъ дурно-устроенный потолокъ.

Вотъ, въ такой-то квартирѣ, сидя предъ каминомъ, въ папахѣ и въ шубѣ, при зажженной лампѣ, сталъ я читать такъ заинтересовавшую меня статью.

Окончивъ чтеніе, я всталъ и, припоминая былое, ходилъ взадъ и впередъ по савлѣ. Больно мнѣ стало, что о трудахъ и о подвигахъ нашихъ пишутъ такъ мало, а о нѣкоторыхъ даже вовсе не упоминаютъ. Взявъ свой дневникъ, я прочелъ въ немъ мѣсто, относящееся до сугратлинской переправы, въ которой я участвовалъ, и, сравнивъ съ прочитанною статью, нашелъ, кромѣ неполноты, много невѣрностей.

Обстоятельство это заставило меня рѣшиться въ первый разъ взяться за перо и выписать изъ дневника своего походъ въ Аварію въ 1859 году.

Прося извиненія за литературные недостатки моей статьи, я даю слово писать одну сухую правду. Что мой дневникъ не будетъ врать, въ доказательство могу сказать, что я, происходя изъ породы аккуратныхъ нѣмцевъ, весь походъ носилъ въ карманѣ записную книжку, въ которой карандашемъ записывалъ происшествіе тотчасъ, не откладывая на-завтра, а потому невѣрностей въ ней и быть не можетъ.

Правда, будучи въ чинѣ прапорщика, я не зналъ распоряженій и плановъ высшаго начальства, но для чего они мнѣ? Я буду писать то, что дѣлалъ самъ и что видѣлъ, какъ дѣлали мои товарищи и начальники, съ одной стороны, и непріятель съ другой, и, наконецъ, что говорилось: а это мнѣ, кажется, самое главное.

Итакъ, начну съ описанія того, что мы дѣлали въ лагеряхъ до сбора отряда, а потомъ перейду къ сбору войскъ и занятію сугратлинской переправы. Затѣмъ, ежели позволитъ время, опишу походъ

въ Аварію, взятіе Гуніба и роспускъ отряда^е по штабъ-квартирамъ.

Лагерь на Ибрагимъ-Дада. Іюль 1859 года.

Гора Ибрагимъ-Дада находится въ Салатавін, въ 40 верстахъ отъ города Темиръ-Ханъ-Шуры и на половинѣ дороги между укрѣпленіями Евгеніевскимъ и Буртунаемъ.

На этой горѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1859 года, стояли двѣ роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, 17-я и 5-я стрѣлковая, подъ командою капитана Квѣцянскаго. Въ этихъ ротахъ состоялъ тогда и я.

Назначеніе наше было: содержать пикетъ на Ибрагимъ-Дадѣ и конвоировать почту въ Евгеніевское и въ Буртунай. Намъ, младшихъ офицеровъ, въ этихъ двухъ ротахъ было трое, а потому на службу приходилось ходить чуть не ежедневно. Бывало, какъ выйдешь на вершину горы, то сидишь на ней отъ утренней до вечерней зори. Видъ, дѣйствительно, богатый! Все какъ на ладони: горы, поросшія густой травой; на нихъ, правда, не видно деревьевъ, но за то въ широкихъ и въ крутыхъ оврагахъ растутъ столѣтній дубъ и чинаръ; дорога въ Буртунай вьется, чрезъ гору, черною полосою, а по ней тянутся туда и обратно тысячи аровъ и чарводарскихъ коней и ословъ, перевозившихъ въ отрядъ провіантъ и снаряды.

Въ хорошую погоду сидѣть еще не такъ скучно: читаешь, пишешь дневникъ и день пройдетъ незамѣтно; но въ туманъ сидѣть скучновато. Мѣсто, на которомъ сидишь, кажется островомъ, а внизу съдой туманъ разстилается кругомъ на нѣсколько десятковъ верстъ, и представляетъ необозримое море; вдалѣ съ пикета ничего невидно, а потому мы ограничивались удвоенной бдительностью и еще болѣе напряженнымъ вниманіемъ.

Но хуже всего было намъ въ дождикъ: лежишь часовъ шестнадцать въ водѣ; вѣтеръ продуваетъ тебя насквозь; весь мокрый, а впереди, вмѣсто отдыха, очередь конвоировать почту въ Евгеніевское....

Прогулка съ почтою въ Евгеніевское была не легче, но за то разнообразнѣе. На горѣ у насъ воздухъ чистый, свѣжій, а какъ начнешь спускаться съ горы, къ Евгеніевскому, то замѣтно ощущаешь перемену. Наконецъ, войдя въ самое укрѣпленіе, чувствуешь въ воздухѣ гниль и духоту, какая бываетъ въ грязной банѣ. Въ ясный

день, на Ибрагимъ-Дадѣ ходишь въ сюртукѣ, и то прохладно, а въ Евгениевскомъ, которое отъ этой горы всего только въ десяти верстахъ, невозможно и въ кителя выйдти изъ квартиры.

Отдохнувши въ такой банѣ и сдавши корреспонденцію воинскому начальнику, возвращаешься на гору. Обратнo не такъ легко идти. Гора чрезвычайно крутая; лѣзешь какъ на печь, и пока дойдешь до лагеря, отдохнешь разъ сто, а то и больше. Недаромъ солдаты прозвали ее «Сапунъ-гора»: приходится соиѣтъ, имѣя ранецъ на спинѣ. Когда спросишь солдата: сколько верстъ съ Ибрагимъ-Дады до Евгениевска? онъ отвѣтитъ: десять. А ежели спросишь: сколько отъ Евгениевска до Ибрагима-Дады?, то онъ говоритъ 25 верстъ. Этими солдатъ опредѣляетъ крутой и трудный подъемъ.

Недолго мы стояли на горѣ. 10-го іюля, ночью, капитанъ нашъ получилъ приказаніе сняться съ лагеря, идти въ укрѣпленіе Буртунай и, соединившись съ тремя ротами, отправиться въ экспедицію, но куда? никто не зналъ.

Лагерь ожилъ, зашумѣлъ; пошли укладка и сборы; къ разсвѣту все мы были готовы къ выступленію, и только ждали прихода на наше мѣсто двухъ ротъ 18-го стрѣлковаго баталіона.

12-го іюля 1859 года.

На Буртунай простояли мы недолго. Сегодня приказано намъ выступать въ Мичикъ-Бальское ущелье, гдѣ былъ уже собранъ дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ командующаго войсками въ Дагестанской Области, генераль-адъютанта барона Врангеля.

Еще было совершенно темно и горнисты только проиграли генераль-маршъ, а въ ротахъ дежурные уже прокричали «пошелъ за обѣдомъ». Наши молодцы, предъ походомъ, отобѣдали до зори, потомъ пошла укладка вещей, расчетъ ротъ, наконецъ все устроилось, и заиграли въ ротахъ пѣсни—признакъ совершенной готовности.

Я, напившись чаю, тоже сталъ укладываться въ походъ. У меня была одна лошадь, а надо было и вещи на ней возить, и самому сидѣть; потому я распорядился такъ: вмѣста потника положилъ на лошадь персидскій коверъ, сложенный въ нѣсколько разъ, на него азіатское сѣдло съ подушкой: оно устроено такъ хорошо, что, за немѣнѣемъ подушки, его владутъ въ головы. Сзади сѣдла привязалъ два шерстяныхъ мѣшка, которые у насъ называются переметными сумками: въ одну изъ нихъ уложилъ посуду и бѣлье деньщика, а въ другую платье и бѣлье свое, сверху же этихъ сумъ привязалъ

платъ. Такимъ образомъ я имѣлъ на лошади все необходимое для похода, и все оно вѣсило не болѣе двухъ пудовъ.

Товарищи мои дѣлали тоже. Но ротные командиры, получавшіе тогда содержаніе чуть-ли не вдвое больше нашего, имѣли двухъ лошадей, верховую и вьючную. На послѣдней возились походные сундуки, изъ которыхъ на мѣстѣ составлялась походная кровать и въ которыхъ вещи укладывались въ порядкѣ и не мялись.

По сбору, роты стали въ ружье, и, по указанію адъютанта, пошли: кто въ авангардѣ, кто въ арьергардѣ, а кто между вьюками. Дорога была узкая; лошади попадались молодыя, непривычныя къ носкѣ вьюковъ, а потому, чувствуя на себѣ тяжесть и шлепаніе колышковъ отъ палатокъ, начинали бить ногами, сбивали съ себя палатки, и потому стояли какъ вкопаныя... только стригли ушами и фыркали. Фурштаты такихъ лошадей сначала отколотятъ, потомъ уложить безъ церемоніи вьюкъ обратно, и продолжаютъ движеніе. Подобные случаи повторялись очень часто до привала; но, послѣ привала, лошади привыкли и болѣе уже не было остановокъ.

Привалъ дѣлали на половинѣ дороги, на обширной ровной полянѣ, гдѣ былъ расположенъ лагерь ескадронъ или дивизионъ Северскаго драгунскаго полка. Роты стали кругомъ поляны полудугою; въ средину пустили пастись развьюченныхъ лошадей. День былъ отличный.

Пройдя отъ привала нѣсколько верстъ по ровной дорогѣ, мы подошли къ длинному и крутому спуску. Это была граница Салатавіи; мы стали спускаться въ землю гумбетовцевъ. Спускъ былъ очень крутой; мы шли по немъ нѣсколько верстъ. Съ горы виднѣлась Авчмеевская гора; завалы, близъ которыхъ стояли въ лагерь ашиеровцы, а дальше въ ущельѣ, между громадными горами, разбросано было безчисленное множество палатокъ: это былъ, главный дагестанскій отрядъ.

Завалы, чрезъ которые мы проходили, устроены были въ два ряда. Первый рядъ, изъ бѣлаго камня, тянулся между горами въ ущельѣ, а второй изъ земли, и въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ каменные. Работа была египетская, но не принесла Шамилю никакой пользы, потому что, при появленіи ширванцевъ и мусульманъ подъ командою генераль-маіора Ракусы, въ началѣ іюля, гумбетовцы, защищавшіе завалы, бросили ихъ и ушли почти безъ выстрѣла.

Наконецъ, часу въ четвертомъ, мы, съ пѣнями и хоромъ горнистовъ, вступили въ лагерь главнаго отряда и остановились у

Т. LXXVI. Отд. I. 13

дошвы горы, на лѣвомъ флангѣ лагеря. Улица между лагеремъ была ровная, широкая; солдаты провалили ее «шамилевскимъ проспектомъ». На этомъ «проспектѣ» встрѣтили насъ товарищи, раньше вышедшіе въ походъ, и угостили по-кавказски.

13-го іюля. Лагерь въ Мичигъ-Кальскомъ ущельѣ.

Сегодня дневка. Въ Мичигъ-Кале оставляли вагенбургъ, а потому его обносили землянымъ валомъ (завалами). Работа кипѣла: видно было, что мы скоро идемъ отсюда, потому что рабочихъ было много и ихъ торопили.

Сегодня высланы въ 82-й пѣхотный Дагестанскій полкъ, за прошлогоднюю экспедицію, 75 георгіевскихъ крестовъ. Командиръ полка раздавалъ кресты съ полною церемонією, при звукахъ музыки. Послѣ парада начался кутежъ. Молодые кавалеры угощали товарищей, и крики «ура» долго раздавались по всему полку. Рота, въ которой я состою, не участвовала въ прошлогодней экспедиціи, а потому ничего не получила и смотрѣла съ понятною завистію на сосѣдей.

Отъ нечего-дѣлать, пошелъ я въ гости къ капитану Б. И*. У него было нѣсколько пріятелей-горцевъ; онъ угощалъ ихъ спиртомъ и спрашивалъ о томъ, что дѣлается въ горахъ. Горцы пили спиртъ какъ воду, и говорили, что Шамиль собралъ огромную армію и стоитъ у Андійскихъ Воротъ; мостъ же на Андійскомъ Койсу у Сугратло сжегъ, дорогу испортилъ, для чего платилъ даже бѣглымъ солдатамъ, и тѣ работали день и ночь и порохомъ рвали скалы. Теперь не только пройти рѣчку, но и до ней добраться нѣтъ никакой возможности. Они говорили И*, какъ другу, и совѣтовали ему не идти туда, потому что миридовъ собрано въ десять разъ больше, чѣмъ въ нашемъ лагерѣ солдатъ, что насъ всѣхъ перебьютъ, и что они, горцы-пріятели, насъ такъ любятъ, что не желаютъ этого.

Вечеромъ отдано приказаніе выступать въ походъ. На вьюки велѣно взять дровъ, такъ-какъ мы шли въ безлѣсную страну, и, кромѣ того, раздать каждому солдату по полѣну и выступать безъ шума. Нашему баталіону назначено идти въ авангардѣ.

14-го іюля 1859 года.

Въ два часа ночи разбудилъ насъ генераль-маршъ; весь лагерь зашевелился. Лѣтъ было вставать; но палатку нашу безъ церемоніи сняли, и тѣмъ заставили поторопиться. Въ три часа тронулись съ мѣста.

Прежде всѣхъ проѣхалъ конно-иррегулярный мусульманскій полкъ, за нимъ сѣверскіе драгуны, а за драгунами потянулся 21-й стрѣлковый баталіонъ и нашъ сводный баталіонъ. Въ баталіонныхъ интервалахъ, на вьюгахъ, везли патронные ящики и носилки для раненыхъ. Дорога была преотвратительная; ночью, да еще по тропинкамъ, идти очень плохо.

Наконецъ, пройдя верстъ около десяти, все въ гору, мы взобрались на плоскую возвышенность и остановились, дабы дать время войскамъ стануться. Но недолго мы отдыхали. На песчаной горѣ, находившейся лѣвѣ насъ, показались горцы и открыли по насъ ружейный огонь.

Мусульмане и драгуны понеслись впередъ, по указанію генерала Врангеля, а намъ приказано прибавить шагъ. Послѣ пустой перестрѣлки, горцы исчезли, а мы, по камнямъ и по щебню, шли за кавалерією, которая свернула съ дороги и понеслась на гору. Горцы устроили по дорогѣ нашей завалы, и выслали на противоположную гору небольшую партію, дабы она навела насъ на завалы; но генерала о томъ, вѣроятно, предупредили лазутчики, потому что онъ свернулъ съ дороги, и пошелъ по скаламъ напрямикъ. Когда горцы увидѣли, что имъ не удалось обмануть насъ, то вышли на гору и открыли огонь; однако мы были такъ отъ нихъ далеко, что пули не долетали до насъ. Видя, что и этимъ ничего не могутъ намъ сдѣлать, они ѣздили по горѣ взадъ и впередъ и пронзительно кричали.

Ѣхать верхомъ не было возможности. Лошадь поминутно спотыкалась, и разъ мое имущество чуть-было не погибло въ пропасти, которая тянулась лѣвѣ насъ. Мы шли всѣ внизъ. Наконецъ увидѣли аулъ Аргуани. Храбрые мусульмане были уже тамъ, и кое-гдѣ слышались ружейные выстрѣлы; но и они скоро затихли, потому что изъ аула жителя давно вышли, со всѣмъ своимъ имуществомъ, и переселились, по приказанію Шамиля, въ безопасное мѣсто.

Не доходя аула, мы повернули направо и пошли по засѣяннымъ полямъ. Урожай былъ отличный: хлѣбъ стоялъ вышиною чуть-ли не въ ростъ человека, особенно ячмень и пшеница.

Жители не вышли, по обыкновенію, съ покорностію, навстрѣчу нашему начальству; а потому генералъ приказалъ носить ячмень на фуражъ, для чего въ хлѣбахъ и останавливаемы были всѣ войска, включая 21-го стрѣлковаго и нашего своднаго баталіоновъ и части мусульманскаго полка, которыхъ назначили въ летучій отрядъ. Мы тронулись съ привала напрямикъ и, пройдя хлѣбами

версты двѣ, очутились надъ крутымъ спускомъ къ рѣкѣ Андійское-Койсу.

Спускъ этотъ былъ такъ крутъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможно было спускать лошадей, и ихъ поддерживали сзади за хвосты.

Отсюда видъ очень хорошъ; но тутъ не до природы было: каждый думалъ, какъ бы благополучно сойти и спустить свою лошадку. Камни обрывались изъ-подъ ногъ и летѣли внизъ, дѣлая иногда невѣроятные рикошеты вправо и влево. Благодаря Бога, они немного нанесли намъ вреда; только двухъ стрѣлковъ 21-го баталіона ранило въ ноги, да одну лошадь пришибло порядкомъ. Если ко всему этому прибавить еще довольно жаркую перестрѣлку, завязанную вблизи мусульманами съ мюрядами, то выйдетъ, что картина была хотя и очень красива, однако не совѣтъ весела для непривыкшаго къ такой музыкѣ.

Правѣе, по другую сторону оврага, изъ-за горы, показалась довольно значительная партія горцевъ, и, увидя насъ, спускавшихся къ рѣкѣ, понеслась маршъ-маршемъ по направленію отъ нашего главнаго отряда внизъ къ намъ. Впередъ скакали удалыцы со значками, на добрыхъ коняхъ, а за ними, въ разноцвѣтныхъ черкескахъ и на разношерстныхъ коняхъ, мчалась въ безпорядкѣ всадники. Но мы уже спустились, и я не видѣлъ, куда дѣвалась эта партія. Высокая гора закрыла насъ отъ нихъ.

На площадкѣ намъ приказано отдыхать. Отъ каждой роты послали по 40 человекъ на рѣчку, за водой; они возвратились благополучно, потому что было уже довольно темно, и горцы не замѣтили ихъ. Притомъ, по ту сторону оврага, гдѣ неслась, часа полтора тому назадъ, неприятельская кавалерія, лежали стрѣлки 21-го баталіона и, постоянно перестрѣливаясь съ горцами, не допускали ихъ до рѣчки.

На этой площадкѣ пролежали мы не болѣе часа. Пули съ того берега хотя долетали до насъ, однако не дѣлали намъ убытка. Съ площадки проводникъ повелъ насъ ближе къ рѣкѣ, по направленію къ аулу Черкату; пашей ротѣ приказано было прикрывать горную артиллерію, а 17-ю роту послали въ цѣпь.

Мы легли сзади орудіи, но уснуть не было возможности. Кругомъ камень и песокъ, накалившіяся отъ знойнаго дня; къ тому же и голодь давалъ себя чувствовать: вьюки наши остались наверху, при главномъ отрядѣ; маркитанты, вѣроятно отъ трусости, не спу-

стались за нами, и у насъ ничего не было съѣстнаго, а достать чего-либо не было никакой возможности.

Лежа около орудія, я слушалъ рассказы старыхъ солдатъ о походахъ и о любимыхъ ими генералахъ Пассея и настоящемъ начальникѣ отряда, Врангелѣ. Перваго любили они за храбрость и щедрость, но говорили, что былъ очень горячъ, а втораго за то, что больно хлопоталъ о нихъ, никогда не оставлялъ безъ продовольствія и не позволялъ обижать ихъ никому, а переходы дѣлалъ не большіе. Они его чаще называли «дѣдушка нашъ». Князя Аргутинскаго тоже хвалили, но говорили, что больно много ходилъ. «Ужь какъ тронется съ мѣста, такъ идетъ чуть-ли не двое сутокъ безъ привала; за то былъ справедливъ. Однажды, идемъ мы на кутешинскія высоты и, разумѣется, умаялись порядкомъ, а тутъ дорога еще была грязная, а драгуны ѣдутъ за нами и кричатъ намъ: «пѣхота, не пыли». Досадно и обидно было намъ, и мы, какъ умѣли, огрызались. Но услышалъ шутку эту нашъ князь и заступился, сердечный, за насъ. Онъ приказалъ драгунамъ слѣзть съ лошадей и идти пѣшкомъ; вотъ тогда и намъ пришелъ чередъ носиться надъ пѣшею конницею». Вѣроятно, солдатикамъ не больно было мягко спать на камнѣ, потому что они болтали почти всю ночь.

Около меня, въ нѣсколькихъ шагахъ, лежалъ командиръ полка, полковникъ Радецкій; но я только тогда узналъ о томъ, когда мимо меня пронесли бурки и изъ нихъ сдѣлали пѣчто въ родѣ кибитки. Въ кибиткѣ этой сѣли генералъ-маіоръ Ракуса и мой командиръ. Они хотя шопотомъ говорили, однако я невольно подслушалъ ихъ разговоръ. Генералъ говорилъ: «Федоръ Федоровичъ! Главнокомандующему угодно, во что-бы то ни стало, взять сугратлинскую переправу, и надо исполнить его приказаніе. Но трудно взять ее, очень трудно. Дорога сорвана, мостъ сожженъ, и та сторона Койсу сильно укрѣплена. Придется намъ уложить до 400 лучшихъ людей; жаль ихъ, но надо исполнить приказаніе». Послѣ этого зажгли свѣчку, но чрезъ бурку свѣта не было видно, и написали барону Врангелю донесеніе, что спустились къ рѣкѣ благополучно, но что моста и дороги нѣтъ. Эту записку отослали тотчасъ, и просили отвѣта.

Потомъ вызвали охотника, который-бы спустился къ рѣкѣ, измѣрилъ ширину ея и рассмотрѣлъ укрѣпленіе на той сторонѣ. Охотниковъ явилось нѣсколько, и генералъ, отдавъ имъ приказаніе, говорилъ дождо еще шопотомъ. Я ничего не слышалъ больше, и

думалъ только о завтрашнемъ днѣ и о предполагаемой переправѣ.

Зорю у насъ не играли, дабы не возбудить вниманія непріятеля. Но у горцевъ ночью мулла завывалъ безжалостно, и собиралъ правовѣрныхъ къ молитвѣ и совѣщанію.

15-го іюля 1859 года. Среда.

Съ разсвѣтомъ началась перестрѣлка между нашею цѣпью и мюридами, засѣвшими по ту сторону Койсу, за курганчиками, въ которые были воткнуты разноцвѣтные значки. Я, не умываясь, пошелъ въ цѣпь къ 17-й ротѣ, которая лежала за бутуркомъ. Правѣ ея, ночью, построили батарею на два орудія. Изъ этихъ орудій стрѣляли въ завалы, подѣланные мюридами, но не совсѣмъ удачно: то переносило, то не доносило; разъ, правда, ядро попало въ кучку горцевъ: они выскочили изъ-за закрытія и были перебиты нашими стрѣлками.

Въ цѣпи сидѣли, съ ружьями въ рукахъ, командиръ 17-й роты, капитанъ Квицинскій, и штабсъ-капитанъ гвардіи Ковалевъ (нынѣ командиръ Тенгинскаго полка), и стрѣляли по горцамъ, которые высовывали изъ-за закрытія свои головы. Я тоже взялъ ружье и около нихъ улегся и сталъ стрѣлять. Разстояніе отъ насъ до непріятеля было только 600 шаговъ.

Вскорѣ за мною прислалъ мой командиръ баталіона, майоръ Балашевичъ, и я долженъ былъ бросить это занятіе. Баталіонный командиръ распекъ меня за то, что я отлучился отъ роты: онъ приказалъ мнѣ взять полувзводъ и, ставъ по дорогѣ къ рѣчкѣ, не пропускать туда никого.

Несмотря на раннее время, жара была невыносимая. Всѣ мы были въ рубахахъ, а сюртуки наши носили за нами или цырюльники, или горнясты. Солдаты ходили тоже безъ полукафтановъ, но имъ некому было носить, а потому они ихъ привязывали сзади къ патронташамъ.

Стоядя со своею командою на назначенное мѣсто и выславъ на гору пикеть, я легъ на камнѣ и срисовалъ гору, по которой мы вчера спускались и по которой спускался теперь 2-й баталіонъ 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка.

Горцы не любятъ грамотѣевъ, а потому, увидя меня съ записною книжкою, пустили нѣсколько неудачныхъ пуль: нѣкоторыя изъ нихъ расплуснулись на сосѣднемъ камнѣ, а нѣкоторыя со свистомъ пролетѣли дальше и заставили меня прекратить занятія и переимѣнить позицію.

Когда я рисовалъ, ко мнѣ подошелъ какой-то солдатъ, похожій на плаксиваго писаря, и просился внизъ на рѣчку, въ охотники. Я думалъ что это писарь, что ему невесело сидѣть подъ пулями и что онъ хочетъ улизнуть, а потому прогналъ его къ полу-зводу; но послѣ, узнавъ что это былъ юнкеръ Шпейеръ, извинился передъ нимъ и отпустилъ. Онъ, дѣйствительно, пошелъ въ охотники, и, какъ увидите послѣ, отличился на переправѣ.

Часу въ двѣнадцатомъ, мимо меня проѣхалъ начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ Ракуса. Я въ рубахѣ, но при шашкѣ, отпрапортовалъ ему, для чего здѣсь нахожусь, и онъ приказалъ мнѣ возвратиться съ командою къ баталіону, говоря, что весь баталіонъ скоро пойдетъ на смѣну 21-го стрѣльцоваго баталіона, который со вчерашняго дня занимаетъ позицію на водопоѣ и проситъ отдыха.

Генералъ Ракуса, несмотря на жару, былъ въ тепломъ сюртукѣ и въ папахѣ. Солдаты говорили между собою, что онъ со всѣми горцами въ дружбѣ, и они, будто бы, совѣтовали ему ходить въ папахѣ, для отличія отъ другихъ и что они его, по этой причинѣ, не убьютъ. Но это, разувѣется, были однѣ только солдатскія догадки. Генералъ Ракуса хотя, дѣйствительно, имѣлъ въ горахъ много пріятелей, однако и храбрость его была всѣмъ извѣстна: когда подъ Шелягами ему раздробили руку, то и тогда, говорить, онъ, сидя на барабанѣ, приказалъ ее отрѣзать. И теперь, безъ руки, а ѣздитъ надъ пропастями и подъ выстрѣлами непріятеля (*).

Дѣйствительно, спустя $\frac{1}{2}$ часа, мы шли на смѣну 21-го стрѣльцоваго баталіона. Придя къ оврагу, за которымъ вчера неслась кавалерія, мы были остановлены маіоромъ подъ выстрѣлами; въ обходъ была послана молодецкая 17-я рота. Живо пробѣжавъ по мостику, рота поднялась по тропинкѣ и, занявъ противоположную сторону оврага, заставила горцевъ замолчать. Впрочемъ, навѣсными выстрѣлами ни одного у насъ не ранили.

Когда 17-я рота заняла край оврага, то и остальные четыре роты двинулись напрямикъ. Рѣченка, чрезъ которую намъ надо было пройти, была шириною не болѣе шести шаговъ. Мы взялись крѣпко за руки, и стали въ нее спускаться. Она была такъ быстра, что трудно было устоять на ногахъ; рядоваго Палу оторвало и чуть было не унесло; но фельдфебель схватилъ его за патронташъ и

(*) Въ 1861 году генерала Ракусу повесели лошади близъ станціи Кумъ-Теръ-кале; онъ выпрыгнувъ изъ экипажа и, ударившись о камень головою, скончался на мѣстѣ.

вытащилъ на ту сторону. Глубина же была по-полюсь, почему въ походные сапоги набралось много воды.

Пройдя рѣчку, мы стали подниматься на крутую, чуть не отвѣсную, гору, утыканную камнями; которые держались на половину въ землѣ, на половину торчали наружу. Я шелъ за командиромъ баталіона, который, отъ старости, еле-еле взбирался на такую крутизну, причѣмъ его поддерживалъ баталіонный староста. Солдаты карабкались впереди насъ, и ногами обрывали камни, которые, летя внизъ, падали въ рѣку. Однимъ чуть-было не убило добраго маіора; но горнистъ крикнулъ: «берегитесь, ваше высокоблагородіе», и тотъ прилепъ къ землѣ, а за нимъ и я. Черезъ насъ пролетѣлъ огромный камень, разбившійся о другой въ дребезги.

Взобравшись на гору, мы разсыпали цѣпь, между которою и мюридами завязалась перестрѣлка. Горцевъ было, вѣроятно, немного, потому что перестрѣлка съ ихъ стороны была очень рѣдкая, да и та скоро почти прекратилась. Урона у насъ не было никакого.

Когда совершенно стемнѣло, намъ подали сигналъ «отступленія» и мы благополучно достигли старой позиціи. Кромѣ 2-го баталіона дагестанцевъ, нашли еще 2-й баталіонъ ширванцевъ. Намъ приказано получить сухари еще на три дня и готовиться къ дальнѣйшему походу. Маркитанта же не было еще у насъ; мы весь день питались солдатскими сухарями и уже два дня не пили чай.

Когда роздали сухари, то провожатый повелъ насъ внизъ по теченію рѣки и указалъ мѣсто около 2-го баталіона дагестанцевъ. Мѣсто было песчаное. Духота на этой позиціи была невыносимая, и притомъ продолжалась и ночью. Ночь была очень темная. Саперы впереди насъ дѣлали батарею, но стука ихъ вирокъ не было слышно неприятелю, хотя онъ паходился отъ насъ, какъ говорили, не болѣе какъ въ 150 шагахъ. Шумъ рѣки Койсу все заглушалъ. Выше и лѣвѣе насъ расположились по скаламъ стрѣлки 21-го стрѣлковаго баталіона.

Со стороны неприятеля, несмотря на темноту, раздавались рѣдкіе выстрѣлы. Ночь прошла въ ожиданіи. Всѣ мы не спали.

Июля 16-го, четвергъ.

Передъ разсвѣтомъ, намъ приказано, поротно, спускаться, по узенькой тропинкѣ, къ рѣкѣ Андійское-Койсу. Когда спускались 2-й баталіонъ и первыя двѣ роты нашего баталіона, то ихъ горцы не замѣтили и не стрѣляли по нимъ; но 3-ю роту замѣтили и открыли по ней огонь. Мы же шли сзади всѣхъ. Горцы сидѣли за скалами, по ту

сторону рѣки, и стрѣляли по насъ съ разстоянiя не болѣе 50 шаговъ, а потому уронъ у насъ былъ довольно значительный: говорили, что убито изъ фронта болѣе 30 человекъ.

Пули сильно свистѣли и, ударяясь въ скалу, расшибались и разбивали каменья, которыми осыпало насъ какъ пескомъ, а осколками пуль контузило и ранило. Впереди меня бѣжалъ прапорщикъ Р*, мой товарищъ по ротѣ; его контузило въ правую руку. Онъ схватился за нее и прибавилъ шагу. Когда же добѣжалъ и я до того мѣста, то и меня отбѣгли, но довольно легко. Мнѣ показалось, что кто-то приложилъ къ моему шеѣ уголь или зажженную папиросу. Это мѣсто у меня немного припухло; когда же пришелъ на мѣсто и мнѣ приложили, нѣсколько разъ, какой-то жидкой прищипки, то я и забылъ про контузію. Дома, быть можетъ, и занялся бы ею, но тутъ, видя смертельно-раненныхъ и убитыхъ, мнѣ совѣстно было и думать о такихъ пустякахъ.

Когда мы спустились внизъ, насъ завели за гору, которая закрывала отъ выстрѣловъ непріятельскихъ, и приказали лечь. Но и тутъ не было покоя. Одна пуля съ навѣсу попала въ щеку солдату и прошла насквозь, а другая въ грудь нашему унтеръ-офицеру Гржебелюку. Онъ приподнялся, но поблѣднѣлъ и опустился на землю. Его тотчасъ раздѣли и изъ раны, между ребрами, потекла кровь. Пуля ударила въ толстую перевязь и, пробивъ ее и полукафтанъ, остановилась между ребрами: ее тутъ же вынули, а рану перевязали бинтами.

Наскучило мнѣ лежать въ бездѣйствіи; притомъ духота и удушливый запахъ ущелья заставили меня пройти на чистый воздухъ къ рѣкѣ. Тамъ устраивали мостъ, причемъ бревна, привезенныя изъ Буртуная, оказались воротками.

Близъ рѣки увидѣлъ я генерала Ракусу, полковника Радецкого и подполковника Девеля. Всѣ они о чемъ-то толковали. Понравился мнѣ мой полковой командиръ. Онъ отдавалъ, при мнѣ, приказанія адъютанту нашего баталіона, прапорщику Чернытину, такъ хладнокровно, какъ будто разговаривалъ въ кабинетѣ. И когда пуля попала въ сапогъ Чернытина и тотъ присѣлъ, какъ бы ставъ предъ нимъ на колѣни, то и тогда онъ преспокойно спросилъ: «васъ ранили?» — и, узнавши, что только контузили, продолжать на томъ же мѣстѣ отдавать приказаніе, и также хладнокровно.

Поручикъ А. П...въ стоялъ неподалеку отъ меня, въ широкихъ легинскихъ шароварахъ, и курилъ папиросу. Пуля попала ему между ногъ и, прорвавъ шаровары въ нѣсколькихъ мѣстахъ, осталась въ

нихъ. Онъ только влѣзнулъ, страхнулъ ногами и остался на своемъ мѣстѣ, отгрываясь отъ шутокъ товарищей.

Хладнокровіе всѣхъ заставило и меня пренебрегать опасностью: я пошелъ еще дальше. Но когда пришелъ къ рѣкѣ Андійскому-Койсу, то горцы, сидѣвшіе въ пещерѣ и такъ безжалостно стрѣлявшіе по насъ, перестали стрѣлять: мяѣ сказали, что генераль Ракуса, чрезъ переводчиковъ, обѣщался не наказывать ихъ, и даже дать 200 рублей, только бы они не препятствовали устройству переправы. Враги наши теперь сидѣли на камняхъ, по ту сторону рѣки, и такъ близко, что можно было разглядѣть ихъ лица и костюмы. Одинъ изъ нихъ, широкоплечій мужчина, въ чалмѣ, былъ на виду и переговаривалъ съ нашими переводчиками.

Къ берегу рѣки стянули нѣсколько ротъ, которыя носили камни и бросали въ одно мѣсто въ рѣку; но для чего это дѣлали, я не зналъ. Говорили, что хотять сдѣлать пристань и къ ней прикрѣпить мостъ.

Лѣвѣе пещеры, гдѣ сидѣли горцы, шаговъ на 80 или 90, на правомъ берегу рѣки, росло довольно большое дерево; къ этому—то дереву хотѣли привязать канатъ и по немъ переправить на ту сторону людей, для укрѣпленія предполагаемаго моста. Но для того, чтобы укрѣпить канатъ, надо переправиться, хоть одному человѣку, на ту сторону рѣки, что сдѣлать почти не было возможности. Рѣка текла между огромными камнями, и такъ быстро, что голова кружилась при видѣ теченія, а шумъ отъ раскѣканія воды о каменья и брызги наводили какой—то невольный страхъ. Но все—таки приказано вызвать охотниковъ.

Первымъ явился рядовой 8-й роты 88-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, Кочетковъ. Онъ посмотрѣлъ на рѣку и сказалъ: «Переплыть мудрено, но попробую счастья. У меня нѣтъ ни руда, ни племени; авось удастся услужить великому царю». Съ этими словами, онъ отошелъ выше переправы шаговъ на сто, раздѣлся, перекрестился и бросился въ рѣку. Всѣ глаза были устремлены на смѣльчака, который, обладая большою силою и ловкостью, боролся съ волнами. Послѣ каждаго замаха руки, его относило по теченію шаговъ на пять. Вотъ онъ уже у противоположнаго берега, уже хватается за скалу, но сильная волна ударяетъ въ него и уноситъ отъ берега... Всѣ невольно ахнули, и сочли его погибшимъ; но онъ не потерялся и, въ нѣсколько взмаховъ руки, опять уцѣпился за скалу, на этотъ разъ такъ крѣпко, что вылезъ на берегъ. «Ура», всего передоваго отряда, привѣтствовало молодца, и онъ, голый, пошелъ къ дереву,

къ которому предполагали прикрѣпить канатъ. Кочеткову предстояло пройти чрезъ пещеру, въ которой и надъ которою сидѣли вѣроломныя горцы, а потому всѣ имъ боялись за жизнь его. Но онъ шагаль смѣло, поздоровался съ ними и прошелъ благополучно до назначеннаго мѣста...

За этотъ подвигъ ему уничтожили штрафъ, произвели въ унтеръ-офицеры и наградили знакомъ военнаго ордена 2-й степени, для нижнихъ чиновъ установленной.

Когда Кочетковъ пришелъ къ дереву, то начали перебрасывать чрезъ рѣку бичеву; но ее не могли добросить и до половины рѣки, а потому рѣшили перебросить прежде нитку, а потомъ къ ней привязать бичеву, къ бичевѣ веревку и, наконецъ, къ веревкѣ укрѣпить канатъ.

Долго не удавалась намъ эта попытка. Юнкеръ 6-й роты Дагестапскаго полка, Асланъ-бекъ-Агаевъ, вызвался переплыть на ту сторону съ бичевою. Для этого онъ перевязалъ себя и поплылъ; но за эту попытку чуть не заплатился жизнью, и еле-еле выплылъ обратно на нашу сторону. Вторая попытка ему тоже не удалась.

Третьимъ охотникомъ явился юнкеръ нашей роты, Николай Шпейеръ (котораго я не пускалъ съ пикета). Его сначала не хотѣли пустить, но онъ упросилъ, и поплылъ такъ же удачно, какъ Кочетковъ; также схватился за скалу на противоположномъ берегу, но, оторвавшись, ударился головою о скалу... волны поглотили его. Спустя четверть часа, мы замѣтили голаго человѣка, идущаго къ Кочеткову, вверхъ по рѣкѣ. Сначала думали, что это идетъ мюридъ, чтобы убить его; но когда подошелъ онъ поближе, узнали въ немъ Шпейера. Его несло волною около четверти версты, и онъ, какимъ-то счастливымъ случаемъ, ухватился за скалу и выбрался на берегъ. Все тѣло его было исцарапано и покрыто кровью.

Дойдя до Кочеткова, Шпейеръ помогаль ему ловить нитку, и наконецъ удалось поймать ее. Всѣ обрадовались этому и невольно прокричали «ура», которое подхватили всѣ войска бывшія на переправѣ. Къ ниткѣ привязали бичеву; на несчастье, она оказалась короткою; но дабы не оборвалась нитка отъ тяжести, когда къ короткому шнуру привяжутъ веревку, то офицеры отрѣзывали кожаные портупей, отъ азіятскихъ шапекъ, и надвязывали ими бичеву. Первый подалъ примѣръ капитанъ Шарыгинъ (нынѣ умершій), и, благодаря общимъ стараніямъ, канатъ былъ почти укрѣпленъ. По сию сторону работали около каната исключительно офицеры, именно:

адъютантъ Старосельскій и наши офицеры: Пушкинъ, Исавскій, Шарыгинъ, Ворящій и я.

Не успѣли мы хорошенъко укрѣпить канатъ, какъ раздались выстрѣлы изъ пещеры, которая отъ насъ находилась, какъ я уже говорилъ, шагахъ въ 50 или 70. Мы такъ были заняты устройствомъ каната, а другіе насыпью плотины, что не замѣтили, какъ мюриды открыли огонь. Вѣроятно, они хотѣли просидѣть въ пещерѣ только до ночи, а потомъ уйти изъ нея, въ надеждѣ, что мы не перейдемъ рѣву до тѣхъ поръ; но увидя, что канатъ укрѣпляютъ, и что радости нашей, выражаемой криками «ура», нѣтъ конца, что, значить, мы перейдемъ непремѣнно и, быть можетъ, накажемъ ихъ за убитыхъ и раненыхъ, они попрыгали въ пещеру и начали стрѣлять.

Первымъ выстрѣломъ убили мусульманскаго всадника наповаль: пуля попала въ високъ, а въ другой вышла; другая пуля ударилась въ животъ нашему солдату; третья солдату въ ротъ, выбила ему зубы и вышла въ затылокъ; кровь запеклась у него во рту и несчастный не могъ говорить и дышать. Говорили потомъ, что онъ вылезлся и вышелъ въ отставку.

Устройство плотины и каната на время приостановилось. Подали сигналъ стрѣлять, а намъ приказали спрятаться за скалу. Противъ пещеры, на гору, втащили горныя орудія, и изъ нихъ въ пещеру пустили нѣсколько гранатъ съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ. Онѣ попались въ пещерѣ, и отъ этого по ущелью раздавался гулъ, какъ сильный громъ во время грозы. Дымъ разостлался по всей рѣкѣ; осколки долетали даже до насъ, но никого не задѣло.

Стрѣлки, находившіеся на высотахъ, тоже не зѣвали: правобѣрные не могли показать носа; стрѣльба ихъ затихла. Мы опять принялись за дѣло, и вскорѣ канатъ укрѣпили: однимъ концомъ къ толстому дереву, а другимъ, на нашей сторонѣ, къ высокимъ козламъ, сдѣланнымъ изъ брусевъ.

Теперь надо было послать на ту сторону солдату съ оружіемъ, дабы они выгнали изъ пещеры мюридовъ. Охотниковъ явилось много. Первый полѣзъ, по всѣмъ правиламъ гимнастики, цѣпляясь руками и ногами за канатъ; но на половинѣ пути остановился, опустилъ ноги, и старался, съ помощію однихъ только рукъ, добраться на ту сторону. Выбившись изъ силъ, онъ обратился въ нашу сторону и глазами просилъ помощи. Но какъ было ему помочь? Послать другаго, значило и другаго погубить. Долго держался солдатъ на веревкѣ; быстрыя волны сорвали съ ногъ его походные сапоги, а потомъ и

онъ оборвался съ каната. Падая, сбросилъ съ себя ружье и бросился съ рѣкою. Говорили, что его, изъ пещеры, ранили въ ногу, а потому онъ опустилъ и ноги на половинѣ пути.

Увидя гибель товарища, другіе не рисковали переправиться. Однако одинъ солдатъ улучшилъ способъ переправы и, за находчивость, получилъ отъ полковника Радецаго 15 рублей.

Улучшеніе состояло вотъ въ чемъ: на канатъ надѣлъ онъ два довольно прочные изъ скользяй лозы обруча; къ нимъ привязалъ широкую доску, на которую ложился спиною я; перебирая руками по канату, заставлялъ обручи скользить по немъ и двигаться впередъ съ доскою. Потомъ къ доскѣ этой привязали бичевки съ обѣихъ сторонъ и притягивали ими доску съ охотникомъ туда, а пустую обратно.

На этой-то доскѣ, названной солдатами «люлькою», переправилось на ту сторону съ оружіемъ 15 солдатъ и 13 всадниковъ мусульманскаго полка, при двухъ офицерахъ 21-го стрѣлковаго батальона, прапорщикъ Александръ Николаевичъ Туркестановъ (нынѣ майоръ), и хорунжій мусульманскаго полка Кайтуки-Тюлезовъ (нынѣ поручикъ). Первый изъ нихъ былъ съ солдатскимъ ружьемъ и патронташемъ.

Во время переправы, перестрѣлка въ пещерѣ хотя уменьшилась, но не умолкала, и у насъ ежеминутно убывали люди. У стоявшаго неподалеку отъ меня всадника мусульманскаго полка, курившаго трубку, пуля, ударившаяся о скалу и разлетѣвшаяся въ дребезги, выбила изъ рукъ его трубку. Онъ сморщился, плюнулъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «шайтанъ-пуля: рука кушалъ, трубка кушалъ и борода кушалъ». Оказалось, что одною пулею его легко ранило въ руку и въ щеку и, выбивъ трубку, испортило ее, за что онъ вѣрно разсердился и плевалъ.

Когда тридцать человекъ охотниковъ переправились на ту сторону, то подали сигналъ «перестать стрѣлать», по которому стрѣльба съ высотъ умолкла, а охотники бросились къ пещерѣ. Сначала стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ, но потомъ, не имѣя времени заряжать, примыкали штыки и лѣзли съ ружьями въ пещеру, бросая вездѣ камень. Юнкера милиціи Ахказа ранили въ голову; кровь потекла по лицу, и онъ, сѣвъ на берегу рѣки, промывалъ рану. Остальные, какъ львы, лѣзли па добычу. Перестрѣлка совершенно затихла; изъ пещеры стали вытаскивать живыхъ и мертвыхъ мурдювъ. Одинъ изъ нихъ, еще по сигналу перестать стрѣлать, бросился бѣжать изъ пещеры, обвинявши себя торбами, но наши стрѣлки не зѣвали: они въ одну секунду уложили бѣглеца. Онъ не могъ подняться, но все

таки ползъ впередъ, пока его нѣсколько разъ не прокололи штыками. Вѣроятно, несчастный былъ бѣглый солдатъ, потому что понялъ нашъ сигналъ.

Одинъ изъ вытащенныхъ мюридовъ, широкоплечій мужчина, снялъ папаху и, кланяясь намъ, просилъ пощады. Всѣ съ презрѣніемъ смотрѣли на подлаго измѣнника и кричали: «бей его». Услышавъ это, онъ схватилъ милиціонера за черкеску и хотѣлъ съ нимъ вмѣстѣ броситься въ бѣшеную рѣку; но стоявшіе сзади солдаты выстрѣлили въ упоръ такъ, что на немъ загорѣлась черкеска, а потомъ прикололи его штыками. То же сдѣлали и съ другими двумя его товарищами; оставили только одного раненаго въ ногу, 16-ти лѣтнаго мальчишку, родственника нашего всадника, и перенесли на нашу сторону. Говорили, что ему осколкомъ оторвало пятку.

Имущество мюридовъ подѣлили между собою охотники. Шпейеръ и Кочетковъ взяли лучшія черкески, какъ имѣвшіе большее на нихъ право, и цѣлый день въ нихъ шеголяли.

Всѣ защитники пещеры были изъ аула Харачая. Ихъ всѣхъ уложили, такъ что о геройской защитѣ и о гибели ихъ никому было передать ихъ семействамъ.

Послѣ этого раненыхъ съ той стороны перевезли въ «люлькѣ» по канату на нашу сторону, а вмѣсто ихъ послали десять человѣкъ стрѣлковъ Дагестанскаго полка и восемь саперовъ съ инструментами, для расчищенія тропинки. Начальство надъ охотниками и саперами принялъ Дагестанскаго полка штабсъ-капитанъ Константинъ Исайскій (нынѣ подполковникъ Пятигорскаго полка), а Туркестановъ и Байтуки-Тюлемевъ возвратились къ своимъ частямъ.

Переправою туда и назадъ распоряжался я. Часу въ шестомъ пополудни, пришелъ генераль-маіоръ Ракуса, и приказалъ пріостановить переправу, говоря, что веревка протерлась и можетъ оборваться доска.

Приказавъ привязать доску, я пошелъ къ своей ротѣ, которая находилась неподалеку отъ рѣки, въ ущельѣ, и легъ на никѣмъ не занятой лощинѣ.

Пролежавъ не болѣе часа, мы потянулись по тропинкѣ вверхъ на старую позицію. Но теперь не такъ уже по насъ стрѣляли; пещера была занята нами, а стрѣлки, расположенные наверху, не дозволяли мюридамъ подходить къ намъ близко.

Идя сзади роты и смотря на расположеніе непріятельскихъ заваловъ, я замѣтилъ, что изъ-за одного изъ нихъ, на ружьѣ, высоко поднимаютъ папаху. Это былъ сигналъ къ переговорамъ. Я остановился посмотреть, чѣмъ все кончится. Начальство наше увидѣло па-

паху и дало сигналъ для прекращенія стрѣльбы; но по пересѣченной мѣстности сигналъ не всѣмъ былъ слышенъ, и его нѣсколько разъ повторяли. Когда-же стрѣльба замолкла, то семь горцевъ, отяжело одѣтыхъ, поднялись изъ-за заваловъ и, подойдя къ крутому берегу, сѣли подъ рѣкою, не рискуя спускаться въ пропасть. Наши переводчики (какъ мнѣ послѣ говорили) кричали имъ, чтобы они спускались непременно по этой тропинкѣ, а то, ежели пойдутъ въ кусты, ихъ перебьютъ всѣхъ. Они сидѣли и, какъ мнѣ казалось, разговаривали между собою; но потомъ вдругъ всѣ сразу вскочили и бросились въ балку. Наши стрѣлки не ждали сигнала; пули полетѣли въ догонку и уложили одного, который ползкомъ побрелъ въ кусты. Послѣ я узналъ, что это были старшины окрестныхъ ауловъ, и что ихъ было восемь человекъ, но что одного убили наши стрѣлки въ то время, когда тотъ поднимался изъ-за завала и махалъ папашою.

Тогда горцы скрылись, а раненый залезъ въ балку, я ускорилъ шаги, чтобы догнать свой баталіонъ; но любопытство заставляло меня посматривать въ ту сторону, гдѣ только что разыгралась эта сцена. За любопытство я чуть-было не заплатилъ жизнью, потому что, сбившись съ тропинки, пошелъ по нижней, по которой были расположены наши стрѣлки за завалами. Горцы, увидѣвъ меня совершенно открытаго, стали по мнѣ стрѣлять довольно ч сто; однако пули ложились то выше, то впереди меня, и я шелъ словно заколдованный. Впереди меня шелъ унтеръ-офицеръ; ему пуля попала въ лѣвую ногу, и онъ, облокачиваясь о ружье, добрелъ до завала, гдѣ и легъ. Я прошелъ на позицію невредимымъ и почти одновременно съ баталіономъ.

Не успѣлъ я отдохнуть и десяти минутъ на новой позиціи, какъ получилъ приказаніе, со взводомъ стрѣлковъ идти на смѣну роты 21-го стрѣковаго баталіона, мимо которой я шелъ въ баталіонъ. Выслушавши приказаніе стараго маіора, я взялъ свой взводъ и потянулся гуськомъ по знакомому уже мѣсту. Но теперь я шелъ не одинъ, а съ 65 молодцами, которыхъ надо было сберечь; потому я рассчиталъ ихъ за бугромъ позвенно, указавъ каждому звену, какое занять мѣсто, и послалъ ихъ въ рассыпную, чтобы горцамъ не такъ удобно было по нимъ цѣлиться. Послѣ-же обошелъ всѣхъ и, повѣривъ расположеніе, легъ отдохнуть на батарее.

Тамъ лежали два артиллериста. Одинъ изъ нихъ, кажется, капитанъ бывшій въ Севастополь, рассказывалъ другому, поручику Г*, о сегодняшнемъ днѣ, и сравнивалъ войска севастопольскія съ войсками

кавказскими и тѣ труды, которые переносили севастопольцы и которые мы переносимъ теперь. Оказалось, что здѣшнія войска переносить трудовъ во сто разъ больше, а храбрость, находчивость, смѣлость, неутомимость и любовь къ начальникамъ положительно изумляютъ севастопольца, и что лучше нашей арміи наврядъ—ли гдѣ найдется.

Я лежалъ и, не вступая въ разговоръ, слушалъ пріятную, для каждаго кавказца, справедливую похвалу. Поручикъ Г., старый кавказскій ветеранъ, рассказывалъ о другихъ походахъ; но я не могъ слышать конца ихъ бесѣды, потому что унтеръ-офицеръ доложилъ мнѣ, что одного стрѣлка ранили въ голову, и я долженъ былъ встать и идти туда распорядиться объ отправленіи его на перевязочный пунктъ.

Когда я возвратился на батарею, капитана уже не было, а поручикъ съ юнкеромъ хлопотали около орудій. Они замѣтили, что горцы, по призыву муллы, собирались въ одно мѣсто для вечерняго намаза (умовенье и молитва), а потому навели орудіе въ ту сторону и сдѣлали нѣсколько не совсѣмъ удачныхъ выстрѣловъ. Это было уже ночью. На эти выстрѣлы прибѣжалъ кто-то, вѣроятно изъ старшихъ артиллеристовъ: онъ распекъ поручика Г. и приказалъ больше не стрѣлать.

Часовъ въ десять вечера, ползкомъ, подкрался ко мнѣ деньщикъ моего ротнаго командира и поставилъ передо мною кострюлю съ гречневою кашею, а изъ кармана высыпалъ нѣсколько сухарей. Смотри на кашу, я не вѣрилъ своимъ глазамъ, откуда могла явиться такая благодать; пріятный паръ отъ теплой каши и запахъ свиного сала заставилъ меня привстать и взяться за кострюлю не на шутку. Это былъ подарокъ отъ «ротнистра» моего, за исполнительную мою службу. Въ нѣсколько секундъ кострюля была пуста, и деньщикъ, награжденный абазомъ (20 к.), возвращался на бивуакъ. Каша показалась мнѣ вкуснѣе всякихъ соусовъ и пирожныхъ, и я только сожалѣлъ, что немного ея было, что я не насытился вдоволь, а потому лежа грызъ сухари и ожидалъ смѣны, чтобы уснуть послѣ закуски и денной суеты.

Часовъ въ одиннадцать пришла рота 21-го стрѣлковаго баталіона и смѣнила меня. Было довольно темно, а потому я собралъ взводъ и возвратился на бивуакъ къ баталіону безъ малѣйшей потери.

Явившись начальству, отыскалъ своего ротнаго командира, поблагодарилъ за лакомство, снялъ полукафтанъ, разостлалъ его, положилъ въ голову солдатскій патронташъ и крѣпко уснулъ.

Ночью приснилось мнѣ, что меня рубятъ горцы шашкою и кинжалами, а я отбиваюсь отъ нихъ своею форменною шашкою. Долго, быть можетъ, я дрался бы, еслибы меня не толкнулъ «обладатель Персія»: оказалось, что я скатился съ бугра, на которомъ спалъ, и очутился внизъ головою на рукѣ моего товарища. Я же такъ крепко спалъ, что не проснулся при этой невольной прогулкѣ.

Кругомъ все спало; только часовые въ каждой ротѣ ходили и прислушивались къ малѣйшему шороху. У враговъ нашихъ тоже царствовала мертвая тишина.

17-го іюля 1859 года. Пятница.

Съ разсвѣтомъ завязалась перестрѣлка и я проснулся. Умывшись, сталъ разсматривать окрестности той позиціи, на которой находился. Мѣсто было покатою къ рѣкѣ, и отсюда отлично были видны расположеніе непріятеля, всѣ ихъ ямы и впереди ямъ небольшіе каменные завалы, всѣ траншеи, а за буграми значки; но мы были довольно отъ нихъ далеко, и пули, очень рѣдко, долетали до насъ.

День былъ невыносимо знойный. Всѣ мы ходили въ рубахахъ, но и въ нихъ не находили себѣ мѣста, а тутъ, какъ на зло, ни одного деревца, ни одного большаго камня, за которые бы можно укрыться. Но когда, въ шесть часовъ утра, принесли намъ обѣдъ, то мы, забывъ жару, какъ голодные волки бросились на добычу, и борщъ, съ кислотою и сушеною капустою, показался намъ превкуснымъ блюдомъ.

Мы потому рано такъ обѣдали, что всѣ говорили, будто генералъ Ракуса хочетъ отступить, а нашъ полковой командиръ настаивалъ устраивать мостъ изъ веревокъ, для чего, даже у насъ, позабирали всѣ коновязи и педоузды. Никто не зналъ, пойдѣмъ ли впередъ или отступимъ. Говорили, что на самой переправѣ у каната войска очень мало, и что бѣдняга Исайскій лежитъ на коврѣ и пьетъ чай.

Въ семь часовъ утра, Шамиль вывезъ орудіе и началъ стрѣлять на насъ то камнями, то гранатами; но такъ далеко онъ стоялъ, что наши артиллеристы не отвѣчали на его выстрѣлы. Офицеры смѣялись, что онъ сыпалъ пороху въ орудіе по цѣлой шапахѣ.

Какъ бы то ни было, а надо Шамилю отдать справедливость: онъ стрѣлялъ довольно хорошо, а еще лучше улепетывалъ, со своимъ орудіемъ, послѣ cadaго выстрѣла. Зарядивши, опять потихоньку выкатывалъ изъ-за горы, и, выстрѣливши, опять удираалъ.

Всѣхъ выстрѣловъ было до двадцати. Нѣкоторые снаряды были пустыя и летѣли съ громкою музыкою; нѣкоторые лопались надъ его же завалами, а одно попало въ самый завальчикъ: изъ него горцы выскочили и были перебиты нашими стрѣлками.

Изъ всѣхъ выстрѣловъ только одно ядро упало недалеко насъ, но и то не причинило намъ убыли. Больше же пускалъ Шамиль камней на первую позицію, гдѣ, говорятъ, были разбиты палатки и въ которыхъ нѣжились маменькины сынки. Я тамъ не былъ, но рассказывали, что одно ядро попало въ деньщицью палатку майора Г. и, перебивъ ему посуду, ранило сидѣвшаго въ ней пѣтуха. Другимъ снарядомъ убило лошадь и ранило солдата.

Эта стрѣльба, вмѣсто того чтобы наводить уныніе на солдатъ, веселила кавказцевъ: постоянно слышались шутки и смѣхъ весельчаковъ. Напримѣръ, какъ только горцы начнутъ выкатывать орудіе, то они кричатъ: «ребята, смотри преть! ей-ей преть!». Послѣ, когда покажется дымъ, солдаты опредѣляли, въ какую сторону выстрѣлили, и кричали: «смотри, мотри! стрѣльнулъ окаянный!» Одно ядро, пролетѣвъ черезъ насъ, ударилось о скалу. По обыкновенію, всѣ пріутихли и ждали разрыва. Но его долго не послѣдовало. Тогда одинъ смѣльчакъ полѣзъ на гору, взялъ ядро, и, принеши къ своимъ товарищамъ, сказалъ: «вотъ вамъ братцы гостанецъ отъ Шамиля Ивановича!»

Лежали мы на этой позиціи, ровно ничего не дѣлая, до двухъ часовъ дня. Въ два часа прошелъ мимо насъ 2-й баталіонъ ширванцевъ, потомъ 2-й баталіонъ дагестанцевъ, а потомъ потребовали и нашъ сводно-стрѣлковый баталіонъ.

Когда спускались мы къ тому мѣсту, гдѣ устраивали вчера мостъ, стрѣльба возобновилась со всѣхъ заваловъ и наносила намъ порядочный уронъ. На переправѣ, къ величайшей моей радости, увидѣлъ я переброшенный на ту сторону мостъ, сплетенный изъ веревокъ, шириною въ аршинъ. Съ этой стороны онъ прикрѣпленъ былъ къ брусьямъ, придавленнымъ камнями, а на противоположной сторонѣ къ пещерѣ, въ которой дрались наши охотники. Онъ былъ почти готовъ, и саперы-молодцы бѣгали по нему, не смотря на то, что онъ постоянно качался. Для того же, чтобы солдаты не падали въ рѣву, при насъ устраивали перила съ обѣихъ сторонъ, т. е. натянули крѣпко веревки и привязали ихъ къ мосту. А чтобы и самая плетенка не скручивалась, между веревками воткнуты были небольшія хворостинки.

Какъ только окончили это приспособленіе, приказали переходу

дти нашему баталіону. Для чего роты выстроили во фронтъ, и мы, поодиночкѣ, стали переходить, то есть, когда одинъ выходилъ на противоположный берегъ, то съ этого берега спускался на мостъ другой.

Первымъ перешелъ, очень бодро, нашъ командиръ полка и, ставъ на скалу, смѣтрѣлъ на переходящихъ. За нимъ прошла вся стрѣлковая рота, потомъ наша.

Я сталъ на плетенку смѣло и пошелъ впередъ. Ноги у меня скользили по веревкамъ и по хворосту; я все переваливался то вправо, то влѣво, но на половинѣ моста, отъ быстрого теченія, голова у меня закружилась, и мнѣ казалось, что, меня вмѣстѣ съ мостомъ, куда-то несутъ волны... я остановился. Мой добрый ротный командиръ, перейдя впереди меня, кричалъ мнѣ: «сидите! идите смѣлѣй!» Тогда я закрылъ глаза и ошупью побрелъ впередъ. Не помню, какъ я дошелъ на ту сторону; тамъ стояли офицеры и, подхвативши меня за руки, вытащили на скалу. Я пошелъ въ то мѣсто, гдѣ сидѣла уже у рѣки 1-я стрѣлковая рота.

Проходя черезъ пещеру, я удивился, увидѣвъ на ней столько отпечатковъ пуль. Всѣ камни были облиты черною густою кровью. Отъ нечего-дѣлать, я киркою выбилъ на скалѣ: «17-го іюля 1859 года».

Я думалъ, что у меня только одного такая слабая голова, что закружилась на мосту: но у нѣкоторыхъ голова была еще слабѣе, и такихъ переводили саперы. Однорукаго же генераль-маіора Ракусу перевязали веревкою и перенесли. За то хладнокровіе нѣкоторыхъ меня удивляло.

Переправа, такимъ образомъ, шла не очень быстро. На совѣтъ рѣшили выйти нашему баталіону на гору, и тамъ ждать перехода остальныхъ баталіоновъ.

Уже смерклось, когда мы, по тропинкѣ, потянулись на гору. Тропинка была очень узкая; по обѣ стороны ея росъ боярышникъ и царапалъ насъ жестоко. Въ насъ не стрѣляли мюриды. Только одинъ выстрѣлъ прогудѣлъ въ ущельѣ и все смолкло, словно всѣ уснули. Но старые кавказцы говорили, что это не передъ добромъ и что для насъ въ это время готовится «хорошая закуска».

Еще до выхода на гору, насъ развернутымъ фронтомъ, поротно, поставили вдоль оврага, такъ что ежели къ намъ подойдетъ неприятель, то мы въ темнотѣ можемъ увидѣть его и встрѣтить залпомъ.

Въ это же время переходили остальные роты 2-го баталіона

*

дагестанцевъ. Говорили, что мостъ былъ освѣщенъ разноцвѣтными фонарями; я этого не видѣлъ. Ночь была темная, но такая и теплая.

18-го іюля 1859 года. Суббота.

Только начало разсвѣтать и можно уже было различать предметы, какъ насъ подвинули впередъ и построили въ ротныя колонны. Впереди баталіона рассыпали цѣпь отъ нашей роты и назначили съ нею меня. Правду сказать, не очень весело было идти впереди всѣхъ на штурмъ заваловъ. У меня крѣпко забилося сердце. Но долго разсуждать некогда было, и я скомандовалъ «маршъ». Молодцы мои прибавили шагъ и скоро очутились у заваловъ. Подбѣгаемъ къ нимъ, всякую секунду ждемъ залпа.... вотъ мы и у самыхъ заваловъ... но все тихо.... Наконецъ мы на завалахъ.... тамъ ни души. Потомъ пробѣжали еще нѣсколько укрѣпленій и, найдя тоже вездѣ пустоту, остановились на краю оврага.

Спустя нѣсколько времени, къ намъ подошелъ резервъ; командиръ полка приказалъ рассыпать цѣпь и не стрѣлять по неприятелю до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ первый. Это было сдѣлано для того, что такъ какъ горцы пустили насъ безъ выстрѣла, то, вѣроятно, раздумали и хотятъ покориться.

Итакъ, мы выполнили заданную намъ главнокомандующимъ задачу какъ нельзя лучше: мы на правомъ берегу Койсу.

Удачу эту приписывали всѣ полковнику Радецкому, который не отступилъ, какъ хотѣлъ генералъ-маіоръ Ракуса, а со своими дагестанцами молодецки управился съ бурною рѣкою. При устройствѣ моста отличились также дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ Девель, и саперъ, подпоручикъ Ивановъ; всѣ трое получили за оказанныя отличія орденъ св. Георгія 4-й степени.

По полученіи приказанія отъ полковаго командира, я рассыпалъ въ цѣпь только половину своихъ людей, а другой половинѣ позволилъ лечь спать.

Рано утромъ, я перемѣнилъ людей въ цѣпи, и пошелъ осматривать мѣсто, гдѣ мы находились. Это было то мѣсто, по которому я стрѣлялъ 15-го іюля. Оно было укрѣплено валикомъ и рвомъ и въ немъ было безчисленное множество пуль различной величины. Тутъ были и мусульманскія маленькія, и круглыя, и Неслера, и бельгійскія, и новыя Минье. Поодаль валялись осколки гранатъ, и видно было, что пули валялись здѣсь недаромъ: не только на камняхъ, но и на землѣ и травѣ были слѣды засохшей черной крови.

Несмотря на то, что ровно сутки я ничего не ѣлъ, мнѣ рѣпко захотѣлось пить, и я послалъ по-воду. Мнѣ принесли котелокъ воды прямо съ рѣки Андійское-Койсу, въ которой вода была пепельнаго цвѣта и довольно густо смѣшана съ мелкою черною пылью. Впрочемъ, она была вкусна, безъ запаха, и доктора говорили, что вода эта даже очень здоровая.

На рѣчкѣ же кипѣла работа. Молодцы-саперы, всё въ синихъ рубахахъ, какъ муравьи дѣлали мостъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ скала была сорвана и гдѣ берега сходились очень близко. Къ обѣду мостъ былъ готовъ; но лѣвый берегъ былъ такъ оборванъ Шамлешъ, что его скоро невозможно было исправить, а потому пока приставили двѣ большія лѣстницы, изъ которыхъ по одной поднимались, а по другой спускались.

Переправа черезъ Андійское-Койсу у Сугратли была въ нашихъ рукахъ; мостъ чрезъ рѣку саперы соорудили чуть-ли не въ два часа, но сдѣлать доступнымъ спускъ къ мосту съ лѣваго берега рѣки было не такъ легко. Работа требовала много рукъ, времени и матеріаловъ. За первыми не было остановки; матеріаловъ же было мало и саперы разбирали крытую галерею, бывшую на правомъ берегу рѣки, переносили брусья на лѣвый берегъ и изъ сруба дѣлали спускъ къ рѣкѣ.

Войска въ это время отдыхали. Я, смѣнившись съ пикета, побѣдалъ и пошелъ съ капитаномъ К* купаться въ Койсу; но не успѣли мы спуститься къ мосту, какъ прибѣжалъ за нами солдатъ и сказалъ, что командиръ полка, съ двумя ротами, побѣжалъ на гору, гдѣ показались мюриды, и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ.

Жара была невыносимая. Добѣжавъ до бивуака, я бросилъ сюртукъ; стрѣлки мои сдѣлали тоже, и мы поспѣшили въ ту сторону, гдѣ происходила стрѣльба и бѣлѣлись солдатскія рубахи. Добѣжали до мѣста тогда уже, когда роты, кончивъ перестрѣлку, лежали въ кустахъ за бугромъ.

Отдохнувъ, я подползъ къ товарищамъ и узналъ отъ нихъ, что довольно значительная партія горцевъ проѣхала неподалеку и спряталась въ оврагъ; но она, какъ видно, пробирается къ ахъ-кентскимъ высотамъ и должна выѣхать изъ этого оврага, а потому мы ожидаемъ ея появленія.

Пролежали мы за этимъ бугромъ болѣе часа, но ни одной души не видали, и полковой командиръ рѣшилъ оставить только одинъ взводъ, а съ остальными возвратиться на бивуакъ.

Остаться тамъ вызвался я; мнѣ дали взводъ 5-й стрѣлковой

роты, я расположилъ людей какъ только могъ удобнѣе. Я уже мечталъ, какъ отличусь и какъ побью мюридовъ, а главное — льстило моему самолюбію то, что мнѣ поручили, какъ мнѣ тогда казалось, такое важное дѣло.

Но всѣ мои мечты разлетѣлись впрахъ, когда я увидѣлъ отдѣлившихся отъ отступающихъ ротъ двухъ адъютантовъ М* и Б*. Они пристроились ко мнѣ и стали распоряжаться. Меня это сильно огорчило, и я, несмотря на мой маленькій чинъ, замѣтилъ имъ, что, ежели они хотятъ быть здѣсь и, въ случаѣ удачи, приписать себѣ все, то пусть, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ моимъ распоряженіямъ.

Напрасно я огорчался. Все отличіе мое заключалось вотъ въ чемъ. Горцы, увидѣвъ, что войска возвратились на бивуакъ, вылѣзли изъ-за горы и стали выковыривать изъ земли наши пули. Ихъ было человекъ пять или шесть. Оборванные и несчастные ковыряли землю, а я, между-тѣмъ, приказалъ приготовиться къ стрѣльбѣ и ждалъ, пока они не спустятся пониже. Уже хотѣлъ я приказывать стрѣлять, какъ подавъ былъ мнѣ, изъ бивуака, сигналъ «стрѣлять». Въ числѣ горцевъ былъ, вѣроятно, бѣглый солдатъ, потому что они, услышавъ сигналъ, бѣгомъ скрылись за гору, и мои планы разстроились.

Сигналъ этотъ подалъ мнѣ баталіонный мой командиръ, который, возвратясь на бивуакъ, все смотрѣлъ въ подзорную трубу, не покажутъ ли мюриды.

Адъютанты ушли и совѣтовали мнѣ тоже сдѣлать; но я пустился на хитрость и надулъ горцевъ вотъ какимъ образомъ:

Неподалеку отъ меня была рота на фуражировкѣ; она уже возвращалась домой. Я послалъ унтеръ-офицера попросить ротнаго командира, чтобы онъ съ ротою прошелъ по гребню горы, за которымъ я лежалъ. Хотя идти имъ было не по дорогѣ, но мою просьбу ротный командиръ исполнилъ, и я, при проходѣ ихъ, приказалъ своему горнисту сыграть отступление.

Видя идущихъ съ вязанками травы солдатъ, горцы думали, что это именно тѣ люди, которымъ приказывалось стрѣлять, и потому, не боясь уже никого, вылѣзли очень смѣло и подошли ко мнѣ шаговъ на 500. На этотъ разъ разъ никто мнѣ не мѣшалъ: половина людей, по моему приказанію, сдѣлала залцъ, а другіе стрѣляли рядами. Два человека покатались кубаремъ въ оврагъ, а остальные мгновенно скрылись за горою. Послать туда за убитыми я не рѣшился; я и безъ того далеко былъ отъ бивуака, а потому, собравъ обрадованныхъ удачею солдатъ, возвратился къ баталіону.

Тамъ явился къ полковому командиру, который, лежа съ генералъ-майоромъ Ранусою въ тѣни огромныхъ камней, пили чай и разговаривали чрезъ переводчиковъ съ явившимися къ нимъ лазутчиками.

Получивъ отъ послѣдняго благодарность за находчивость, я легъ спать при своей ротѣ и спалъ всю ночь какъ убитый.

Воскресенье 19-го іюля.

Отрядъ отдыхалъ. Работа по устройству спуска къ рѣкѣ подвигалась медленно, несмотря на старанія молодцевъ-саперовъ. Роты поочередно ходили за хворостомъ и сдавали его саперамъ на подѣлку фашиновъ.

Сегодня первый разъ, по выступленіи изъ Мичикъ-Кальскаго ущелья, играли зорю съ церемонією, т. е. полнымъ хоромъ горнистовъ и барабанщиковъ, по сю и по ту сторону рѣки.

Бивуакъ нашъ ничѣмъ не былъ укрѣпленъ; но наша позиція отъ природы была недоступна съ трехъ сторонъ, а съ четвертой стороны заручили секретъ и цѣпь часовыхъ. Все-таки намъ не позволяли раздѣваться.

Понедѣльникъ 20-го іюля.

Узнавъ, что спускъ неготовъ и сегодня мы еще прожаримся на этой позиціи, я взялъ походныя холщевыя носилки, разложилъ ихъ на лустъ водючки и, спрятавшись подъ ихъ тѣнью отъ палящаго солнца, смотрѣлъ, какъ сапожникъ чинилъ мои сапоги, которые, несмотря на прочность товара, въ нѣсколько дней изъ новыхъ превратились въ дырявые, отъ острыхъ камней, по которымъ мы ходили всѣ эти дни.

Часу въ шестомъ или седьмомъ послѣ обѣда, всѣ войска посланы были за хворостомъ для саперовъ. Спустились мы въ оврагъ и начали рубить подъ-рядъ всѣ деревья и кустарникъ. Тутъ были и персики, и орѣхи, и груши, и каштаны, по все дожилось подъ солдатскимъ топоромъ. Хворосту натащили саперамъ цѣлую гору; имъ приказано было работать всю ночь, чтобы къ разсвѣту была готова насыпь для прохода кавалеріи и артилеріи.

Солдатамъ роздали сухари еще на три дня. Разложили костры и при свѣтѣ ихъ пошла укладка. Пользуясь суматохою, горцы подползли къ нашему бивуаку и сдѣлали залпъ изъ нѣсколькихъ ружей, но никого не ранили. Костры тотчасъ потушили, услаивали секретъ и цѣпь, и стрѣльба больше не повторялась.

Вторникъ 21-го юля 1859 года.

Въ 4¹/₂ часа утра выступили съ бивуака. День былъ ясный, тихій, какъ и всѣ предыдущіе дни. Впередъ проѣхала сотня мусульманскаго полка; потомъ прошелъ ширванскій баталіонъ; за нимъ 2-й баталіонъ дагестанскій, а въ арьергардѣ нашъ баталіонъ. Начальникъ летучаго отряда, генераль-маіоръ Ракуса, и полковой командиръ нашъ, проѣзжая мимо баталіоновъ, здоровались съ ними, благодарили за молодецкую переправу и дарили каждый по ведру спирта въ каждую роту.

Пройдя не болѣе версты по ровной дорогѣ, мы повернули налѣво и пошли по тропинкѣ на кругую гору. Солнце поднялось и жгло безъ милосердія. Было душно какъ въ банѣ, а воды не было ни одной капли.

Вправо отъ насъ выѣхалъ одинъ мюридъ въ бѣлой папахѣ и джигитовалъ на своей маленькой горской лошаденкѣ. Но, видно, ему досадно показалось, что на него не обращаютъ никакого вниманія: онъ слѣзъ съ лошади, сдѣлалъ въ насъ нѣсколько выстрѣловъ и опять сѣлъ на свою клячу. Баталіонный командиръ приказалъ моему ротному командиру спугнуть его. Посадили стрѣлковъ Кузьмина и Гржебелюка, и они, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, ссадили его съ лошади.

Тропинка, по которой мы поднимались, постепенно становилась круче и круче. Мы, несмотря на то что были въ рубахахъ, крѣпко устали — и отсталыхъ было немало.

Наконецъ вышли на площадку, поросшую кустарникомъ и густою травою. Здѣсь солдаты нашли фонтанъ холодной и чистой воды. Онъ забить былъ горцами, но его живо разработали шанцевымъ инструментомъ и пошла потѣха.

Каждому хотѣлось воды; всѣ стали толпиться къ фонтану. Пошла давка, за давкою ссора, а нѣкоторые, задышавшіеся отъ жажды и усталости, употребляли, для проложенія къ фонтану дороги, даже мѣдные котелки, стегая ими тѣхъ, которые, набравъ воды, не отходили отъ фонтана, а тамъ же пили стоя.

Мнѣ удалось попробовать изъ котелка драгоценной влаги: она показалась мнѣ превкусною и очень холодною.

Когда весь отрядъ напился, мы пошли влѣво, между чистымъ и большимъ лѣсомъ; вдали замѣтны были поперекъ дороги огромные завалы изъ бѣлаго камня, и проводники, увидя за ними множество мюридовъ, указали другую дорогу, правѣ этой, говоря, что та очень крута и ее никто не защищаетъ, а потому и возьмемъ ее безъ боя.

Впередъ послали двѣ роты Ширванскаго полка: онѣ оставили свои вещи вѣсивъ я, съ перекинутыми за спину ружьями, пошли на гору.

Нашъ штабсъ-капитанъ К*, любившій спорить и обо всемъ разсуждать, доказывалъ, что на эту гору невозможно послать войска, потому что крутизна ея была болѣе 60 градусевъ; но ширванцы, карабаясь и хватаясь руками за деревья, добрались до вершины и заняли позицію безъ боя. За ними приказали идти и остальному отряду пѣхоты, а кавалерію и вьюки послали еще правѣе, въ обходъ по тропѣ.

Такъ какъ мы были въ арьергардѣ, а передній отрядъ шелъ на крутизну рассыпавшись и очень медленно, то намъ приказано лечь отдохнуть подъ тѣнью сосноваго лѣса и, въ случаѣ нападенія непріятеля, отразить его и дать время собраться растянутымъ войскамъ.

Меня поразила слѣдующая картина. Командиръ Ширванскаго полка, полковникъ К*, шелъ при своихъ ротахъ и приказалъ вести лошадей сзади себя. Но, не доходя вершины горы, она поскользнулась и не могла удержаться на ногахъ. Раздался шумъ и трескъ... я увидѣлъ какую-то черную массу, быстро стремящуюся внизъ. Это былъ трехсотъ-рублевый кабардинскій жеребецъ. Онъ дѣлалъ рикошеты по деревьямъ и слетѣлъ внизъ безъ внутренностей, съ переломленными ногами и ребрами. Авіятское дорогое сѣдло тоже было разломано въ куски; его собралъ фурштатъ и уложилъ на вьюкъ.

Такой же участи подверглись еще три или четыре лошади: одна, ударившись послѣднимъ рикошетомъ спиною о дерево, даже разломалась на части. Жаль было смотрѣть на этихъ животныхъ, лежавшихъ безъ внутренностей, но съ открытыми и живыми еще глазами.

Паденіе лошадей не причинило солдатамъ никакого несчастія и никого не увлекло за собою. Они, вѣроятно, предвидя ихъ прогулку, попрятались за деревьями, которыя, на этомъ крутомъ скатѣ, росли довольно толстыя и высокія.

Наконецъ и намъ приказано идти на гору. Мы рассыпались по лѣсу и, дѣлаясь руками за деревья, подвигались впередъ; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, становились за дерево и отдыхали.

Котелки, фуражки, бутылочки со спиртомъ и другая мелочь отъезжалась и летѣла внизъ съ грохотомъ и шумомъ. Раздавались крики: лови, лови! берегись! и вещи эти ловили ниже-идущіе солдаты и передавали по принадлежности, за исключеніемъ спирта, который, вѣроятно отъ сильной жары, испарялся мгновенно.

Все пространство между деревьями было усыпано сосновыми шишками и иглами, а потому идти было очень трудно. Нѣкоторымъ

снимали даже сапоги и шли босикомъ. Пройдя шаговъ 800, я выбился изъ силы. Стрѣлокъ Жанталай далъ мнѣ глотокъ спирту, говоря, что отъ этого человѣкъ становится бодрѣе; но, вмѣсто бодрости, я хуже прежняго раскисъ и еле-еле подвигался впередъ.

Подъемъ былъ длиною не болѣе двухъ верстъ, но всѣмъ намъ показался онъ болѣе 25. Выйдя на гору, мы всѣ легли отдыхать. На вершинѣ горы не было лѣсу, а потому солнце жгло насъ безнаказанно, и хотя бы малѣйшій вѣтерокъ освѣжилъ насъ: мы были словно въ банѣ.

Изъ лѣсу люди выѣзжали поодиночкѣ и присоединялись къ своимъ частямъ. Мусульмане, направленные по тропѣ въ объѣздъ горы, успѣли уже вѣхать на нее и слѣдовали мимо насъ.

Воды не было, а жажда мучила страшно. Одинъ мусульманскій офицеръ, проѣзжая мимо солдатъ, кричалъ: «ребята, дай мнѣ манерку воды, дамъ три рубля»; но солдаты отвѣчали ему: «сами бы сложились да купили, а не то что продавать будемъ».

Когда всѣ взойшли на гору, мы поднялись и направились къ той сторонѣ, гдѣ утромъ видѣли бѣлые завалы. Тропа, которая шла по самому гребню горы, была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шириною не болѣе одной четверти аршина. Правая сторона горы была луговая, но мѣстами торчали камни бѣлаго плитняка, и такъ была крута, что невозможно было смотрѣть внизъ; внизу же, какъ гнѣзда ласточекъ, видѣлись небольшіе хутора съ садами. Я не могъ смотрѣть на нихъ долго и все придерживался лѣвой стороны, которая была немного отложе и поросла лѣсомъ, такъ что въ случаѣ, ежели бы, поскользнувшись, я упалъ, то, совершая путешествіе по лѣсу, могъ бы зацѣпиться и уцѣлѣть, а если бы попалъ направо, то и костей не нашли бы.

Ширванцевъ съ мусульманами послали впередъ, взять высоты, за которыми торчали два значка, что означало только двѣ сотни мюридовъ. Ширванцы пошли молодцами. Приблизясь къ горѣ, крикнули ура!... раздался залпъ мюридовъ, потомъ пошло щелканье орѣховъ, но вскорѣ все утихло, а мы, забывъ усталость, прибавили шагъ, чтобы поспѣть на помощь. Присакавшій всадникъ сказалъ, что мюриды скрылись, и что отъ ихъ залповъ никого не только не убили, но даже не ранили. Говорили послѣ, что жители не хотѣли драться съ русскими, но ихъ заставляли старшины и муллы, а потому и залпъ сдѣлали по приказу, то есть на-вѣтеръ.

Когда сказали намъ, что мюриды ушли, слѣдовательно не будетъ и свалки, куда дѣвалась наша бодрость!... Всѣ опять размысли и еле-еле двигались. Вотъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ

кричали ширванцы ура! Они, бѣдняжки, въ такой зной бѣжали на гору, и выбились изъ силъ до того, что лежали теперь по обѣ стороны дороги словно мертвые, съ блѣдными вытянутыми лицами. Тутъ—же лежалъ, растянувшись на буртѣ, и молодой ихъ медикъ; офицеры лежали между солдатами, всѣ истощенные; у всѣхъ на глазахъ какъ бы написано было: дай напитокъ. Мы прошли мимо ихъ и слѣдовали все дальше и дальше, чтобы выбрать удобную позицію для стоянки всего дагестанскаго отряда.

Я съ утра ничего не ѣлъ, а потому мнѣ сдѣлалось дурно, отсталъ отъ роты и шелъ съ прапорщикомъ Игнатовичемъ. Уже вечерѣло, а мы все шли да шли. Наконецъ и солнце скрылось, а авангардъ не останавливался; впрочемъ, только третья часть отряда шла при своихъ мѣстахъ, остальные же двѣ трети разбрелись и искали воды. Наконецъ кто-то набрелъ на ручеекъ, и эта вѣсть разнеслась далеко; со всѣхъ сторонъ, прибавя шагу, тянулись отсталые и пили отрадный напитокъ. Я выпилъ нѣсколько глотковъ и, взявъ у знакомаго солдата нѣсколько сухарей, первый разъ сегодня закусялъ ими. Они показались мнѣ вкуснѣе всякаго пирожнаго. Мой попутчикъ Игнатовичъ сдѣлалъ тоже. Отдохнувъ немного, мы потянулись къ баталіону.

Неподалеку отъ насъ авангардъ остановился, собралъ хоръ горнистовъ и барабанщиковъ, и они, не переставая, играли сборъ, по которому всѣ отсталые собирались.

Вмѣсто знойнаго дня наступила теперь прехолодная ночь, а у насъ не было не только вьюковъ съ вещами, но и деньщики наши съ сюртуками еще не прибыли, такъ что мы, въ рубахахъ, дрожали порядкомъ. Я легъ въ нескошеномъ еще ячмепѣ, и тѣмъ, хотя отъ вѣтру, защитилъ себя.

Часу во второмъ почи пришли наши вьюки, я надѣлъ полушубокъ и, закусивши сала съ сухарями, уснулъ жертвнымъ сномъ.

Товарищи мои, раньше меня пришедшіе, говорили, что старшины окрестныхъ ауловъ пріѣзжали къ генералъ-маіору Ракусѣ и увѣряли его, что они никогда бы не дрались, если бы не принуждалъ ихъ Шамиль. Въ заключеніе объявили, что жители аула Ахъ-Кента, близъ котораго мы теперь находимся, и Бетля, со всѣми своими семействами и имуществомъ, по приказанію Шамиля, увѣрявшаго, что русскіе ихъ всѣхъ перерѣжутъ, попрятались по скаламъ и лѣсамъ, но что они, увидѣвъ ласковый пріемъ и узнавъ, что на нихъ не сердятся, нспѣшнать собрать жителей обратно въ аулъ.

Среда 22-го іюля.

Ночью выпала сильная роса; походные сапоги сдѣлались совершенно мокры. Проснувшись, я осматрѣлъ мѣсто нашего расположенія и согрѣвался чаемъ. Кругомъ насъ были или поля засѣянные хлѣбомъ, или плоскія возвышенности поросшія травой, и только къ западу видѣлся лѣсъ, а правѣ его аулъ Ахъ-Кентъ.

Несмотря на раннее время, мюриды уже толпились около генераль-маіора Ракусы. Они изъявляли свою покорность; генераль принималъ ихъ очень ласково.

Не забуду я трогательной встрѣчи одного мюрида съ роднымъ братомъ, служившимъ въ нашей милиціи. Они, увидя одинъ другаго, бросились въ объятія и долго цѣловались, что то приговаривая; потомъ, отступя нѣсколько шаговъ, любовались одинъ на другаго и, обнявшись, пошли отъ насъ и скрылись въ толпѣ.

Намъ говорили, что мы долго простоямъ на этой позиціи, и всѣ радовались отдыху на ровной мѣстности; но часу въ девятомъ утра палки на барабанѣ протрещали подъемъ, потомъ сборъ и опять потянулись на гору. Несмотря на вчерашнюю усталость, сегодня, при подъемѣ на высоты, послѣ холодной и сырой ночи, всѣ чувствовали себя довольно хорошо, и даже пѣсенники, идя на гору, пѣли не умолкая.

Пройдя мѣсто пустаго аула Ахъ-Кента, мы повернули направо и пошли между хлѣбами. Дорога и поля были усыпаны мелкимъ и частымъ щебнемъ; несмотря на то, ячмень былъ очень густой и вышиною въ поясъ. Бобы уже поспѣли, и мы ими лакомились, не слушая запрещенія дежурныхъ.

Пройдя бобами и хлѣбами верстѣ восемь, мы вошли на гору, и тамъ приказано было намъ лежать, а отрядъ кавалеріи спустился внизъ и направился на видѣвшійся въ нѣсколькихъ верстахъ хорошенькій аулъ Бетль. Кругомъ его поля; внутри огромные сады.

Говорили, что генераль поѣхалъ туда выбрать удобное мѣсто для расположенія всего дагестанскаго отряда. Мѣсто, гдѣ мы ночевали, не было удобно для кавалеріи; но и здѣсь не нашли лучше, и кавалерія присоединилась къ намъ.

Отойдя отъ этого привала версты двѣ, мы построились въ баталіонныя колонны и легли, ожидая пріѣзда командующаго войсками.

Въ двѣнадцать часовъ показалась, со стороны бѣлыхъ заваловъ, кавалерія и мчалась прямо на насъ. Это былъ командующій войсками При-Каспійскаго Края, генераль-адъютантъ баронъ Врангель, со свитою. Мы стали впереди ружей, въ рубахахъ и въ бѣлыхъ шапкахъ, и онъ, подскочивъ къ намъ и поздоровавшись своимъ звучнымъ голосомъ,

проговорилъ: «Спасибо, молодцы! я вами очень доволенъ и постараюсь наградить за ваши тяжелые труды и молодецкую службу!» Потомъ вызвалъ впередъ насъ и благодарилъ за взятіе переправы и вчерашнихъ высотъ.

Послѣ этого отдали приказаніе идти на ту позицію, гдѣ мы вчера ночевали, и тамъ расположиться на бивуакахъ. Офицеръ генеральнаго штаба указалъ намъ мѣсто, и мы расположились на бугоркѣ. Потомъ пришли къ намъ войска, бывшія въ резервѣ и не участвовавшія въ дѣлѣ на переправѣ; они заняли мѣста такъ, что штабъ командующаго войсками былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ войсками.

Съ разсвѣтомъ пріѣхалъ и полковой священникъ Аншеронскаго полка, Ястребовъ. На него особенно обращали вниманіе горцы: онъ ѣхалъ въ своей одеждѣ, и, какъ подобаетъ духовному лицу, не на лошади, а на довольно большомъ катерѣ.

Вьюки съ палатками шли сзади отряда, а потому и не прибыли къ намъ до поздней ночи. Только внутри бивуаковъ красовались палатки; у насъ-же и баталіонные командиры стали на открытомъ воздухѣ.

Часу въ пятомъ дня пріѣзжали къ командующему войсками почетные жители и онъ принималъ ихъ вотъ какимъ образомъ:

Впереди палатки, въ походномъ креслѣ, сидѣлъ баронъ Врангель, по одну сторону сидѣлъ начальникъ штаба генералъ-майоръ князь Святополкъ-Мирскій (нынѣ помощникъ главнокомандующаго кавказскою арміею), а по другую адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Фадѣевъ. Сзади и по бокамъ огромная свита, состоявшая изъ адъютантовъ, чиновниковъ и переводчиковъ. Впереди генерала, полувругомъ, сидѣли на корточкахъ почетные жители, одѣтые довольно прилично, съ жиденькими бородками, и по срединѣ держали значекъ, изъ простаго розоваго узорчатаго ситца, съ нашитою бѣлою луною.

Я стоялъ поодаль и не слышалъ разговора ихъ, а только наблюдалъ за ихъ фізіономіями. Они старались быть солидными: говоря какъ будто приподымались и прикладывали руку къ сердцу.

Когда аудіенція была окончена, аvarцы вручили барону Врангелю знамя, а сами быстро встали и пошли въ отведенную для нихъ палатку, гдѣ ихъ приказано угощать.

Мой кунакъ, житель аула Чертыя, поручикъ Фивидла, говорилъ мнѣ, что они пріѣзжали просить русскаго покровительства и защиты отъ Шамиля.

Вечеромъ, дѣйствительно, отдано приказаніе двумъ баталіонамъ

Апшеронскаго полка, взводу артиллеріи и двумъ сотнямъ милиціи слѣдовать къ аулу Хунзаку.

Почью пошелъ дождь и промочилъ насъ насковозь. Я пробовалъ укрыться ковромъ, но это не помогло.

Подобное неудобство казалось, однако, намъ пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что переносили мы въ два предшествующіе знойные дня.

Четвергъ, 23-го іюля.

Съ разсвѣтомъ, нашу 5-ю стрѣлковую и 17-ю роты послали сушиться, то есть выдвинули на гору на пикеты, для прикрытія фуражировъ и пасущагося табуна лошадей.

Возшло солнце и пригрѣло насъ. Солдатики сняли полуфагтаны и развѣсили сушить; потомъ пошла чистка и смазка ружей. Я подзвалъ одного стрѣлка и приказалъ сальною тряпочкою смазать себѣ носъ и щеки. Онъ исполнилъ приказаніе и замѣтилъ, что и у солдатъ на эту операцію выходитъ болѣе сала, чѣмъ на смазку ружей. У нихъ, несмотря на грубую кожу, тоже все лицо было въ пятнахъ отъ зноя.

Я, со взводомъ, лежалъ отдѣльно отъ ротнаго командира, а такъ какъ мѣстность была очень открыта и не могло предвидѣться нечаяннаго нападенія, то я пошелъ къ недалеку отъ меня расположенной 17-й ротѣ. Командиръ роты былъ старый и опытный кавказецъ и запасся брезентомъ, изъ котораго теперь сдѣлалъ отличный навѣсъ отъ солнца. Я пріютился около него.

Въ 12 часовъ пришли двѣ другія роты нашего баталіона и смѣнили насъ съ пикетовъ.

Палатки наши были разбиты въ наше отсутствіе, и мы, побѣдавъ первый разъ за весь походъ, легли подъ тѣнью палатки на застланной душистой травѣ.

Въ 5 часовъ заиграла въ штабъ ширванская полковая музыка, вышли со всѣхъ ротъ на линейку пѣсенниками, и въ лагерь поднялся такой шумъ—хоть вовъ бѣги.

Сегодня тоже пріѣзжали депутаты изъ многихъ ауловъ. Говорили, что даже грозные Гимры, Араваны, Зыряны и Уллу-Кала прислали своихъ депутатовъ. Но мнѣ надоѣло смотрѣть на нихъ, и я отправился на базаръ, собранный неподалеку лагеря.

На базаръ этотъ жители аула Ахъ-Бента, возвратившіеся изъ лѣсовъ, вынесли продавать яблоки, сырыя кожи, горское сукно, также вывели лошадей, быковъ и барановъ. Видно, имъ понравилось наше золото и серебро: на базаръ пришли не только мужчины, но и звѣ-

роподобныя женщины, закутанныя въ свои грязныя и порванныя чадры.

Суббота, 25-го іюля.

Собрали Дагестанскій полкъ, построили въ баталіонныя колонны, и полковой командиръ прочелъ приказъ по арміи слѣдующаго содержанія.

«Приказъ по кавказской арміи отъ 21-го іюля за № 239.

«Войска дагестанскаго отряда! Вы храбро заняли переправу на Кейсу, и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ.

«Главнокомандующій генераль-адъютантъ князь Барятинскій. Лагерь при озерѣ Ретло, въ Андін».

Солдаты, отъ радости, безъ команды прокричали ура! Потомъ полковникъ отъ себя благодарилъ солдатъ. Полкъ былъ въ такомъ настроеніи духа и такъ любилъ полковаго командира, что если бы онъ приказалъ что-либо сдѣлать, то, не задумавшись, пошли бы на какую угодно опасность.

Воскресенье, 26-го іюля.

Былъ церковный парадъ.

По окончаніи благодарственнаго молебна, командуящій войсками вызвалъ впередъ отличившихся. Вышло 18 дагестанцевъ, одинъ артиллеристъ и шесть всадниковъ мусульманскаго полка. Въ числѣ послѣднихъ былъ юноша лѣтъ пятнадцати, не болѣе.

Генераль бралъ у адъютанта кресты, и самъ приказывалъ ихъ къ груди храбрецамъ. Кочетковъ получалъ золотой крестъ, т. е. 2-й степени, а остальные 4-й степени; два мусульманскіхъ всадника, въ числѣ которыхъ былъ и юноша, получили серебряныя медали съ надписью «за храбрость».

Горцы приносили свои продукты не только на базаръ, но даже заходили съ ними въ наши палатки. Мой товарищъ, прапорщикъ Г. Б., зналъ ихъ языкъ и разговаривалъ съ ними довольно свободно. Одинъ изъ жителей, видно болтливый, между новостями сообщилъ ему, что у нихъ всѣ говорятъ, будто русскіе водятъ дружбу съ чертями, что хотя онъ и не вѣритъ этому, но все-таки является и у него подозрѣніе, ибо безъ чортовой помощи невозможно, по натянутому канату, пробѣжать тремъ тысячамъ человѣкъ въ одну ночь. Спрашивалъ также, откуда у насъ такія ружья, что бьютъ такъ далеко, а главное такою большою пулею, въ которой есть свинець и кусокъ желѣза;

говорилъ, что одному его знакомому такая пуля попала въ руку и переломила всю кость. Прѣжнихъ ружей горцы не боялись, потому что изъ нихъ солдаты стрѣляли очень плохо, особенно въ дождикъ, и тогда можно было броситься въ шашки, а теперь и носа высунуть изъ заваловъ не позволяютъ.

Вечеромъ отдавъ приказъ по отряду — съ разсвѣтомъ выступать. Никто не зналъ куда идемъ: одни говорили навстрѣчу главнокомандующему, а другіе, что аварцы просятъ идти въ ихъ край.

Понедѣльникъ, 27-го іюля.

Солнце еще не показалось, а мы были уже въ движеніи. Дорога шла пока ровная и пролегла по каменистому грунту. Вблизи не было ни одного кустика, ни одного дерева; даже трава росла клочьями и похожа была на мохъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ бывшей нашей стоянки нагнали насъ двое татаръ. Я спросилъ ихъ что-то и удивился, когда они отвѣтили мнѣ чистымъ русскимъ языкомъ и очень ласково.

Оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ житель аула Черхата, въ 1839 году взятъ при штурмѣ Ахульго въ плѣнъ, и находился въ бобруйскихъ и кронштадтскихъ арестантскихъ ротахъ, и только недавно возвращенъ на родину, въ числѣ выкупа за подполковника Кобіева.

Онъ говорилъ, что идетъ теперь къ нашему начальнику съ извѣстіемъ, что въ аулъ Черхатъ, около котораго мы переправились чрезъ Андійское-Койсу, пріѣхалъ отъ Шамия мюридъ съ бумагою, въ которой приказывалось старшинѣ собрать жителей идти къ аулу Аргуани и истребить оставленный тамъ, для прикрытія вагенбурга, баталіонъ. Старшина и жители согласны на это дѣло; но онъ, татаринъ, любя русскихъ, убѣждалъ тайкомъ, далъ уже знать командиру баталіона и теперь идетъ къ начальнику отряда сообщить о томъ и просить принять его въ конно-мусульманскій полкъ.

Спутникъ этого татарина былъ солдатъ Житомирскаго полка, попавшійся въ плѣнъ въ 1844 году. Онъ говорилъ по-русски хуже своего товарища-татарина, и меня удивило, какъ можно, въ пятнадцать лѣтъ, забыть родной языкъ. Онъ несъ барону Врангелю двѣ торбы самородной сѣры, которой, по его словамъ, безчисленное множество валяется въ кустахъ около аула Черхата. Въ другой рукѣ былъ у него кувшинъ масла.

Наша рота шла въ головѣ аріергарда. Войдя на каменистую гору, насъ остановилъ сигналъ, поданный въ хвостъ. Оказалось, что

полковая лошадь остунилась и, съ двумя патронными ящиками, полетѣла въ пропасть. Чтобы патроны не достались горцамъ, облегчили вѣсколю солдатъ и воелами обходными тропками на дно пропасти; они нашли тамъ обломки жезльныхъ патронныхъ ящиковъ и только до 600 патроновъ; остальные размялись и затерялись въ скалахъ. Лошадь разбилаась о скалы въ дребезги.

Пока лавина за патронами, я срисовалъ Увцукульское ущелье. Оно мнѣ очень понравилось. По ущелью расположены аулы Увцукуль, съ богатѣйшими садами, и Харачи, жители котораго, въ числѣ 20, были перебиты въ вечерѣ на переправѣ. Вблизи ауловъ вьется звѣною рѣка Аварское-Койсу, и далеко видѣнъ блескъ ея воднъ.

Тутъ случился одинъ татаринъ, отъ котораго я узналъ, что семейство Шамиля до недавняго времени жило въ аулѣ Харачи или Харачаѣ, но когда мы заняли Ахъ-Бентъ, Шамиль увезъ его дальше, полагають на гору Гунибъ-Дягъ. Гора эта, по словамъ его, неприступная со всѣхъ сторонъ; туда можно взобраться только по тропинкѣ, прогннвъ которой старшина Гуниба сдѣлалъ каменную стѣну и положилъ большое чугунное орудіе, за которое аулъ заплатилъ Шамилю сто барановъ. На горѣ этой есть и дѣсь, и вода, и большіе табуны, такъ что ежели Шамиля туда пустать жители, то мы ни за что не поймаетъ его, и голодомъ не заморимъ, ибо у нихъ всего вдоволь.

Въ два часа пополудни, прошли мы чрезъ грязный аулъ Сатаныхъ или Сатаныхъ. Скалы въ немъ высокія, изъ темносѣраго камня, и нештукатурены. Почти половина аула съ разоренными крышами и безъ заборовъ. Говорили, что Шамиль нѣсколько разъ разорялъ его за ослушаніе жителей.

Въ этомъ аулѣ погибъ нашъ гарнизонъ въ 1843 году.

Пройдя за аулъ не болѣе версты, намъ приказано отдыхать. Камни съ обрушившейся горы лежали величиною съ добрую мужицкую избу, и подъ тѣнью ихъ мы отдыхали и закусывали.

Съ привала стали подниматься на крутую гору, поросшую болотною травой. Здѣсь развьючили двѣ полковыя лошади и бросили ихъ на съѣденіе волкамъ, потому что онѣ, отъ усталости или отъ болѣзни, не могли идти съ нами.

Выйдя на гору, мы прошли по равнинѣ версты три или четыре, но потомъ опять спускъ, опять подъемъ на каменистую бѣлую гору, изъ утеса которой билъ фонтанъ въ подставленное каменное корыто. Влѣво отъ фонтана видѣлся аулъ: его одни называли Че, а другіе Шагода, съ отличными, засѣянными хлѣбомъ, полями.

Вечеромъ мы спустились въ Молочское ущелье и присоединились къ стоявшему тамъ отряду.

Палатокъ не приказано было разбивать, потому что удалось отдохнуть лишь нѣсколько часовъ.

Ночь была очень холодная; дулъ вѣтеръ со стороны сибѣрическихъ горъ, которыя отъ насъ были въ нѣсколькихъ переходахъ.

Вторникъ, 26-го июля.

Разбудили насъ до разсвѣта; холодъ былъ невыносимый; мы прыгали, грѣлись, но ничего не помогало, и только взошедшее солнышко, захватившее насъ еще на мѣстѣ, пригрѣло порядкомъ.

Войдя на гору, мы увидѣли огромную зеленую равнину: жители называли ее Хунзакская наместность. Кромѣ главнаго аула Хунзика, бывшаго нѣкогда столицей аварскихъ хановъ, были разсыпаны по всей плоскости небольшіе аулы. Лѣсу не было видно ни одного деревца; даже кустиковъ незамѣтно. За те вся плоскость всахана и засѣяна хлѣбами. На равнинѣ этой видѣлось озеро и протекало нѣсколько ручейковъ.

Съ этой горы показывали нѣ гору Тилитлинскую, или Чемодаки-гору. Правѣе ея лежалъ аулъ Тилитль, замѣчательный по штурму Фези въ 1837 году, а кругомъ горы, внизу, были сады. Говорили, что Тилитль сильно укрѣпленъ, и нѣкоторые даже просумъ глазомъ видѣли укрѣпленіе; но я рѣшительно ничего не могъ видѣть, кромѣ груды камней, похожихъ на аулъ.

Спустившись на долину, мы пошли между хлѣбами вышнюю чуть не въ ростъ человѣка. Потомъ прошли мимо аула Танусе, на Гоцалохъ, и миновавъ аулъ Ахатаю, стали подниматься на гору. Здѣсь былъ конецъ Хунзакской равнины.

Подъемъ становился часъ къ часу все круче и круче, немногіе стали отставать; но баронъ Врангель приказалъ прибавить шагъ и нашъ баталіонъ, слѣдовавшей съ привала въ авангардѣ, отдѣлился впередъ и словно летѣлъ на выручку погибавшимъ товарищамъ.

Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы увидѣли груды массивныхъ камней, казавшихся разореннымъ ауломъ; изъ-за камней вытѣзали человѣческія фигуры... Мы думали, что на этихъ-то господъ и ведетъ насъ генералъ; но, подойдя ближе, стали различать красные воротники: это были апшеронцы, раньше насъ вышедшіе изъ ахъ-кентскаго лагеря и расположившіеся бивуаками за природными каменными завалами.

На площадкѣ, выше апшеронцевъ, насъ остановили и приказали

расположиться на ночлегъ. Служба нѣсколько часовъ пришла и наши въюки на позицію, но палатокъ не приказано разбивать. Дровъ здѣсь не было и роты покупали хворостъ по баснословнымъ цѣнамъ: за оклабу хвороста, уложеннаго на небольшомъ эшафѣ, платили отъ 1 руб. 20 до 1 руб. 60 коп.

Ночью прѣехали къ барону Врингею лазутчики, и онъ, особравивъ ихъ донесенія, назначилъ летучій отрядъ подъ командою генералъ-маіора Раусы. Въ составъ этого отряда поступилъ 18-й стрѣлковый баталіонъ, нашъ сводный и 2-й Дагестанскаго полка. Намъ приказано до разсвѣта выступить въ походъ.

Среда, 29-го іюля.

И такъ, вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу главнокомандующему, мы идемъ, какъ болтали солдаты, ловить Шамиля.

Спустившись внизъ, по вчерашней дорогѣ, къ аулу Ахатлю, мы повернули направо по равнинѣ, и къ полудню вошли въ разоренный аулъ Хунзахъ (нынѣ штабъ-квартира кавказскаго линейнаго № 15-й баталіона), бывшій нѣкогда столицею аварскаго хана. Я думалъ, что столица хана будетъ похожа хотя на нашъ губернской городъ, но нашелъ ее хуже самаго послѣдняго аула. Уцѣлѣвшія савки торчали между развалинами, безъ заборовъ и пристроекъ. Жители походжали на нищихъ, оборванные, несчастные; женщины, по обыкновенію, прятались отъ насъ, а дѣти, совершенно нагія, бѣгали кругомъ савель или выглядывали изъ-за угловъ.

Жители встрѣчали насъ очень радушно. Нѣкоторые немного говорили по-русски, и отъ одного старика я узналъ, что Шамиль недавно ихъ ограбилъ и разорилъ много савель.

Этотъ же старикъ показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ была наша крѣпость. Слѣды стѣнъ ея еще видѣлись, а на мѣстѣ крѣпости было нѣсколько отдѣльныхъ памятниковъ; по краямъ дороги тоже торчали огромныя плиты. На плоской сторонѣ этихъ плитъ, обращенной къ дорогѣ, было высѣчено безчисленное множество ружей, винжаловъ, шашекъ, головъ и ногъ человѣчьихъ, а на одной изъ нихъ даже вырвана медаль. Сзади памятниковъ воткнуты были въ землю шесты, вышиною отъ четырехъ до пяти сажень; на верху ихъ висѣло множество тряпокъ бѣлаго и краснаго цвѣта, на подобіе морскихъ флаговъ. Отъ одного изъ жителей мы узнали, что здѣсь похоронены наибы, которыхъ убили русскіе въ салатавскомъ походѣ 1857 года, близъ Дылыма. Флаги означаютъ, что они были джигиты,

а, высьчки на памятникахъ показывають, сколькожъ каждый изъ нихъ убитъ и какое приобрьде отъ убитыхъ оружіе.

Пройдя ауль и оврагъ за нимъ находящійся, мы стали подниматься на каменную гору. Дорога была узкая; по краямъ ея лежали камни, вѣроятно землетрясеніемъ сдвинутые съ вершинъ горъ. Потомъ прошла полутонель, длиною около 200 шаговъ, и, повернувъ около разоренной сторожевой башни вправо, стали спускаться внизъ.

Солнце уже село, взошла луна, а мы все идемъ да идемъ, безъ привала.

Мы слѣдовали въ аріергардѣ съ самаго ночлега. Дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была совершенно испорчена, и для поправки ея отрядъ безпрестанно останавливался; мы такъ измучились постоянными задержками, что едва стояли на ногахъ.

Передъ разсвѣтомъ увидѣли огоньки внизу протекавшей рѣчки и отблескъ луны въ водахъ. Это былъ нашъ авангардъ, расположенный на берегу Аварскаго-Койсу. Тамъ уже отдыхали и варили себѣ пищу, а мы все еще идемъ, и много еще предстояло идти до авангарда.

Но вотъ и солнце взошло и пригрѣло насъ порядкомъ, а мы все спускаемся, какъ черепаха. Сдѣлаешь шаговъ двадцать пять, и стой, пока дальше не разчистятъ дорогу.

Часу въ седьмомъ присоединились наконецъ къ отряду и, какъ убитые, завалились спать.

Но не успѣлъ я вздремнуть, какъ раздался громъ барабановъ: генераль-маршъ возвѣстала намъ о скоромъ движеніи. Хорошо отдохъ послѣ бесонной ночи....

Солдаты уже зашевелились и стали приготовляться къ выступленію. На наше счастье показалась довольно большая партія горцевъ, очень опрятно одѣтыхъ, и спросивъ, гдѣ генераль, поѣхали къ палаткѣ, которую уже приготовлялись снимать для укладки на вьюки.

Я пошелъ посмотрѣть на пріѣзжихъ. Они остановились около палатки генерала Ракусы; нѣсколько удальцовъ, сосочивъ съ лошадей, разостлали бурку и, съ подобострастіемъ, сняли съ лошади почтеннаго старца лѣтъ шестидесяти. У него была большая красная борода, повязка на папахѣ отличалась отъ тѣхъ повязокъ, которыя носятъ хаджи, т. е. бывавшіе въ Меккѣ, тѣмъ, что сзади висѣлъ огромный конецъ въ родѣ полотенца. На немъ была череска темносиннаго сукна.

Онъ сѣлъ на буркѣ, поджавши подъ себя ноги, и послалъ доложить о себѣ генералу. Генераль пригласилъ его къ себѣ въ па-

латку и, усадивъ на неподномъ стулѣ, поилъ чаемъ и разговаривалъ съ помощію своего переводчика.

Это былъ любимецъ народа, ученикъ и зять Шамиля — Кибитъ Магома, проживавшій въ неприступномъ аулѣ Тилитъ. Онъ пріѣхалъ къ начальнику отряда изъявить, отъ лица всего народа, покорность русскому правительству.

Отъ военного переводчика, хорунжаго Т—ва, узналъ я, что Кибитъ-Магома очень ученый человекъ и считается высшею духовною особою въ Дагестанѣ. Шамиль, видя, что народъ такъ уважаетъ Кибитъ-Магому, и боясь его, приказалъ посадить его въ яму, въ которой онъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ; но теперь, при приближеніи нашихъ войскъ и не боясь уже Шамиля, жители вынудили Кибита изъ ямы и уполномочили быть посредникомъ между народомъ и нашимъ правительствомъ.

По окончаніи переговоровъ, Кибитъ-Магома вышелъ изъ палатки и, попрощавшись очень величественно съ генераломъ, поѣхалъ, окруженный всадниками.

Съ отдыха, мы потянулись вдоль лѣваго берега Аварское-Койсу. Нашъ баталіонъ шелъ въ авангардѣ.

Пройдя не болѣе 1¹/₂ или 2 версты, мы подошли къ небольшому аулу Голоть.

Мостъ чрезъ Аварское-Койсу былъ устроенъ здѣсь на тонкихъ перекладинахъ; по обѣимъ концамъ стояли громадные каменные ворота, съ башнями наверху. Когда мы взошли на мостъ, то онъ такъ качался, что мы думали вотъ-вотъ провалимся. Особенно опасались за горную артилерію. Нѣкоторые даже говорили, что жители, вѣроятно, устроятъ засаду и хотятъ насъ уничтожить. Да, и въ самомъ дѣлѣ, что бы мы могли сдѣлать, еслибы горцы вздумали взбунтоваться и напасть на насъ съ двухъ сторонъ. Насъ только три баталіона; отступать по вчерашней дорогѣ невозможно—тамъ бы насъ раздавили камнями, какъ мухъ; пробраться дальше къ Тилитю тоже мало было надежды; помощи ждать не откуда: оставалось одно—погибнуть со славой.

Авангардъ, пройдя мостъ, остановился и намъ приказано было быть готовымъ къ перестрѣлкѣ. Мы ждали, пока весь отрядъ со вьюками перешелъ на правый берегъ рѣки; все кончилось благополучно; никакого нападенія не было.

Въ вечеру добрались до подошвы Тилитинской горы, и здѣсь приказано было остановиться.

Суббота, 1-го августа.

Вотъ уже второй день стоимъ мы лагеремъ подъ горою Тилиели. День сегодняшний и вчерашній стояли ясные, и мы, просушившись сажи, высушили и свое имущество. Въ ротахъ раздаются пѣсни, идетъ стирка ружей и снаряда высушенныхъ сапогъ. Мы вѣселились порядкомъ за всѣ безсонныя ночи.

Прѣхалъ командиръ дагестанско-конно-иррегулярнаго полка, полковникъ князь Чавчавадзе, съ частью всего полка, а за нимъ ротмистръ Ибрагимъ-ханъ-Мехтулинскій, со вновь набранною аварскою милиціею, въ которой было безчисленное множество разноцвѣтныхъ значковъ.

Вечеромъ отдано приказаніе выступать.

Воскресенье, 2-го августа.

Утромъ было очень холодно, а мы были назначены въ аріергардъ, и потому стояли безъ палатокъ, въ грязи и подъ дождемъ, до тѣхъ поръ пока не пришли два баталіона и всѣ вьюки. Тогда и мы тронулись.

Стоялъ густой и сырой туманъ; но поднявшійся холодный вѣтеръ разогналъ его и пошелъ легкій, густой дождь. Мы шли по довольно хорошей дорогѣ. Часовъ въ девять или десять дня, небо прояснилось, пересталъ дождь и, въ неописанной нашей радости, увидѣли мы, что авангардъ остановился и разбиваетъ палатки.

На этой позиціи мы тоже остановились. Противъ нашихъ палатокъ возвышалась огромная гора, съ отвѣсными краями, называемая жителями Гуни-дагъ, или Гунибъ-гора.

На этой-то горѣ скрывся Шамиль со своими приверженцами. Вкругъ подошвы горы разбросано множество небольшихъ хуторовъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ Буэднское общество, т. е. подгородныхъ жителей.

Понедѣльникъ, 3-го августа.

Проснулся я довольно поздно. Деньщикъ доложилъ мнѣ, что рота ушла съ разсвѣтомъ на пикетъ, но что ротный командиръ не приказалъ будить меня, чтобы я хорошенько отдохнулъ послѣ вчерашней фуражировки.

День былъ великолѣпный; воздухъ свѣжій, чистый, на которомъ такъ свободно дышется и не хочется заходить въ палатку. Я взялъ свой альбомъ и срисовалъ Гунибъ-дагъ, про который говорилось те-

перь много и предполагалось, что штурмъ его обойдется для насъ такъ же хорошо, какъ штурмъ Ахунго въ 1839 году.

Москъ обѣда солдаткии зашучѣли около своихъ палатокъ и слышались различные предположенія, заставившія меня проснуться и выйти изъ своей палатки. Я увидѣлъ множество горцевъ, и нѣшнихъ, и кошкыхъ, толпившихся около палатки генераль-майора Ракусы. Нѣкоторые изъ солдатъ, бѣгавшіе къ этой толпѣ, говорили, что татары привели плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, а другіе болтали, что они привезли отбитое у Шамия имущество.

Я хотѣлъ-было идти въ ту сторону, но увидя, что толпа расходится и часть ея приближается къ намъ, сталъ ждать развязки.

Къ намъ привели двадцать пять бѣглыхъ и плѣнныхъ солдатъ, приказали разобрать ихъ поротно и, впредь по особаго повелѣнія, кормить тѣмъ же, чѣмъ продовольствуется рота. Въ нашу роту назначено было пять человекъ мужчинъ и одна женщина. Всѣ они были одѣты въ азіатскіе костюмы, съ бритыми головами, съ отроченными бородами, и ничѣмъ не отличались отъ туземныхъ жителей.

Я подвозвалъ одного изъ нихъ къ себѣ, обласкалъ его, нанюхъ чаешь и узналъ отъ него слѣдующее:

«Насъ много въ горахъ, и бѣглыхъ, и плѣнныхъ. Большая часть нашей братья женаты на татаркахъ, имѣтъ дѣтей и хозяйство, и насъ ничѣмъ не отличали отъ коренныхъ жителей ауловъ. Многие для виду приняли даже мусульманскую вѣру, и такихъ еще лучше любили старшины и наобы. Намъ тамъ было очень хорошо. Но вренену человеку не жизнь между татарскими сбродомъ. Все тянуло къ своимъ, выйти же отъ нихъ не было никакой возможности, а пуще всего насъ пугали гауптвахта, судъ и ссылка за побѣгъ.

«Вотъ недавно отдашь по всѣмъ ауламъ приказъ генерала, чтобы всѣ бѣглые и плѣнные выходили изъ горъ, что имъ Государь все прощаетъ. Обрадовалась наша братья и нѣкоторые жоторенились: побросали и женъ, и все добро, и пошли въ лагерь; но бѣдняжекъ татары переловили на дорогѣ и всѣхъ отправили на тотъ свѣтъ, забравъ себѣ все ихъ добро.

«Узнавъ это, мы присмирѣли и бросили-было свою душу задушевную; но старшина нашъ, желая прислужиться генералу, собралъ, безъ нашего спроса, всѣхъ насъ, съ нашими женами и всѣмъ добромъ, которе мы могли взять съ собою, и привелъ сегодня къ генералу. Теперь, слава Богу, мы своины, что будемъ живы, пока Господь Богъ терпѣть грѣхамъ нашимъ; тамъ же, у этихъ некретей, всякъ часъ надѣйся быть убитымъ.

«Теперь здѣшніе татары стали такіе предувныи, что и самого Шамиля не боятся. Вотъ намереніи, какинъ числа 30-го или 31-го іюля, онъ, т. е. Шамиль, проѣхалъ чрезъ нашъ аулъ на эту гору Гунибъ-дагъ, со всѣмъ своимъ семействомъ. Жители про то узнали и вѣсли въ лѣсу близъ дороги. Вотъ какъ проѣхалъ Шамиль со всѣмъ своимъ семействомъ и конвоиомъ, то они и бросились на его казну, что ѣхала позади, и какъ есть разграбили все до-чиста. Лошадей отняли болѣе тридцати; однихъ мѣшковъ съ золотомъ и серебромъ забрали болѣе восьми. Все промѣжъ собою раздѣляли, и одинъ только мѣшокъ и чемоданъ съ бумагами притащили вѣстѣ съ нами къ генералу. Но онъ, говорятъ, не принялъ этой казны, а отослалъ къ Бибитъ-Магомѣ.

«Съ Шамилемъ проѣхало на гору не болѣе 300 или 400 человекъ мюридовъ; въ числѣ ихъ было нѣсколько бѣглыхъ солдатъ. Про гору эту говорятъ жители, что она неприступна со всѣхъ сторонъ, что только и есть одна дорожка съ противоположной отъ насъ стороны; однако ее сильно укрѣпили каменными стѣнками въ нѣсколько рядовъ и поставили противъ этой дорожки большое чугунное орудіе. Всѣ же другія орудія, которыми владѣлъ Шамиль, сложены въ аулѣ Ихъ, неподалеку отъ Хунзака».

Вотъ что рассказывалъ мнѣ плѣнный казакъ терскаго казачьяго войска. Онъ сообщилъ также, что его взяли въ плѣнъ въ садахъ на Терекѣ, что онъ въ плѣну уже лѣтъ шесть, и что у него дома, на Терекѣ, ждетъ не дождется жена молодая; что она нѣсколько разъ присылала ему записки, и что ежели теперь отпустить его безъ слѣдствія, то онъ, какъ стрѣла, полетитъ на Терекъ, въ родную станицу.

Между плѣнными былъ стройный мужчина, съ огромною бородою, но съ болѣзненнымъ лицомъ: это урядникъ того же Терскаго Войска, взятый въ плѣнъ въ какомъ-то дѣлѣ, гдѣ онъ, упавъ съ лошади и изнемогая отъ ранъ, оставленъ былъ своими, незамѣченными, въ густыхъ кустахъ.

Всѣ плѣнные были одѣты очень бѣдно, и походили на толпу нищихъ. Наши солдатики принимали ихъ радушно и долго продолжались распросы и угощенья.

Четвергъ, 6-го августа.

Сегодня праздникъ—«Преображеніе Господне»; но мы вспомнили о немъ только вечеромъ, потому что до того времени некогда было намъ думать о праздникахъ. Нашему брату тогда только праздникъ,

когда ничего не дѣлаешь, а мы сегодня ходили на фуражировку и устали порядкомъ.

Послѣ ранняго обѣда, насъ вызвали всѣхъ на линейку, для встрѣчи командующаго войсками, генералъ-адъютанта барона Врангеля. Онъ пріѣхалъ съ кавалеріею и, поздоровавшись съ нами, благодарилъ отъ имени главнокомандующаго за молодецкую службу.

Въ числѣ свиты, сопровождавшей барона Врангеля, былъ нашъ добрый командиръ, полковникъ Р*; на груди его я замѣтилъ георгиевскій крестъ съ наслоро-привязанною лентою. Эгогъ крестъ баронъ привезъ отъ главнокомандующаго, и когда полковникъ вышелъ къ нему навстрѣчу, то онъ прицѣпилъ ему къ груди собственно-ручно.

Вечеромъ пришли два баталіона Апшеронскаго полка и расположились неподалеку насъ, только по другую сторону дороги. Дождь мочилъ ихъ въ дорогѣ часа четыре, и они, промошніе, сидѣли теперь на грязи и ждали прихода въюговъ съ палатками.

Теперь, какъ вспомнишь бывшее время, то удивляешься, какъ все сходило благополучно; даже больныхъ въ отрядѣ почти не было. Тогда, въ молодости, все легко переносилось; но эти невзгоды отзываются теперь, и цодъ-часъ, въ дурную погоду, чувствуешь какъ мурашки пробѣгаютъ по костямъ, а другой разъ и руки не разогнешь отъ рвматизма... Тогда же совѣстно было, да и некогда разсуждать о послѣдствіяхъ.

Суббота, 8-го августа.

Вчера ходили осматривать окрестности Гунибъ-дага. Сегодня же, часу въ четвертомъ послѣ обѣда, пришли къ намъ баталіоны гренадерской дивизіи и расположились лагеремъ около 2-го баталіона Дагестанскаго полка. Они прибыли изъ лезгинскаго отряда. Всѣ говорили, что скоро самъ главнокомандующій пріѣдетъ къ намъ.

За гренадерами пришелъ и вначій транспортъ, подъ командою моего товарища по ротѣ, прапорщика Р. Б*. Эшаконъ было безчисленное множество, и я удивлялся, какъ это небольшое животное, на силнѣ своей, можетъ нести два холщевыхъ мѣшка, въ которыхъ помѣщается шесть пудовъ сухарей.

Я сегодня дежурнымъ по баталіону и отъ начальства узналъ, что бѣглыхъ и плѣнныхъ собрано въ отрядѣ болѣе 200 человекъ, и что ихъ на дняхъ отправляютъ въ укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шуру. Говорили также, что приказано привезти оттуда для роты нужные продукты, потому что мы обложили гору Гунибъ-дагъ со всѣхъ сто-

ронъ, будемъ стоять до тѣхъ поръ, пока Шамиль не сдастся или пока не возьмемъ гору штурмомъ. Нѣкоторые говорили, что уже главнѣйшю командующій сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи для войскъ калмыцкіе кобылы, потому что, на этихъ высотахъ, въ палаткахъ нѣтъ возможности жить въ осеннее, а тѣмъ болѣе въ зимнее время.

Воскресенье, 9-го августа.

Въ три часа пополудни, нашъ сводно-стрѣлковый и 2-й батальонъ Дагестанскаго полка, подъ командою полковаго командира, выступили изъ лагеря. Подойдя ближе къ горѣ Гунибъ-дагъ, мы повернули направо, спустились въ огромный оврагъ, прошли его и расположились лагеремъ въ виду Гунибъ-дага.

Жители встрѣчали насъ очень радушно. Выносили офицерамъ фрукты, выхваляли насъ и ругали Шамиля—какъ выражаются наши армяне—самыми красивыми словами.

По дорогѣ, близъ ауловъ, росло очень много орѣховъ и айвы. Первые отличались волосальными разтѣрами и множествомъ еще не спѣлыхъ плодовъ; айва, съ широкими темнозелеными какъ-бы навосочеными листьями, была обременена фруктами оранжеваго цвѣта, вѣсъ которыхъ доходилъ отъ 1½ до 2½ фунтовъ.

Площадка, на которой мы расположились лагеремъ, была такъ мала и такъ завалена камнями, что не было мѣста, гдѣ разбить офицерскія палатки, и изъ-за мѣста этого даже вышла ссора между командирами 4-й и 5-й ротъ.

Горцы стали—было насъ безпокоить выстрѣлами, но высланный на гору унтеръ-офицерскій пикетъ заставилъ ихъ замолчать.

Понедѣльникъ, 10-го августа.

Въ шесть часовъ утра, 4-я и 5-я стрѣлковыя роты Дагестанскаго полка выступили изъ лагеря для рекогносцировки окрестностей Гунибъ-дага. Пройдя не болѣе полверсты, мы стали спускаться въ глубокой оврагъ. Тропинка, ведущая на дно оврага, пролегла по такому крутому берегу и была такъ узка, что съ трудомъ можно было утвердить на ней ногу. Подъемъ съ оврага былъ еще хуже. Мы чрезвычайно растянулись и, собравшись около пикета на горѣ, ожидали пріѣзда командира полка.

Пикетъ, около котораго мы расположились отдыхать, состоялъ изъ десяти человекъ милиціонеровъ. Онъ былъ расположенъ на вершинѣ камня, высота котораго была около четырехъ аршинъ и аршина 4½, въ діаметрѣ.

Когда прѣхалъ полковникъ, то 4-я рота оставлена была около жения, а наша пошла, параллельно къ горѣ, на сѣверъ. По насъ откраски стрѣльбу съ горѣ; но, видя что пули не причиняютъ намъ вреда, стали бросать съ горы довольно большіе каменья, которые падали съ страшнымъ шумомъ, разбиваясь въ дребезги. Однако и дребезги не достигали насъ.

Эта неудача такъ огорчила защитниковъ Шамниа, что нѣсколько смѣльчаковъ отважились спуститься на одну терасу ниже и съ ней открыли по насъ стрѣльбу. Пули ихъ теперь стали то переносить, то не доносить, а потому полковой командиръ приказалъ пяти лучшимъ стрѣлкамъ прогнать горцевъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ, шуряды замолчали и пошртыались въ скалы.

Выйдя на площадку, насъ уирыли за каменьями, и полковникъ Радецкий, съ милиціонерами, педь градемъ чушь поѣхалъ осматривать мѣстность. Одни говорили, что выбираютъ позицію для нашего лагера, а другіе, что осматриваютъ гору, съ которой стороны удобнее будетъ на нее взобраться. Мы не видѣли не одной тропинки; вездѣ были одни отвѣсныя скалы.

Бывшіе при насъ милиціонеры разговаривали съ шурядами, находившимися на горѣ. Забавно было слушать ихъ разговоръ чрезъ такое огромное пространство. Вряде переговоровъ, нѣе всей силы кричать протяжно «о! о! о! ма! го! ма!» По этому сигналу на горѣ шуряды утихаютъ и прислушиваются, а милиціонеръ кричитъ во все горло, плавно и раздѣляя каждое слово на нѣсколько складовъ. Когда нашъ кончить кричать, то ему съ горы отвѣчаютъ такимъ же образомъ.

Оущность разговора была слѣдующая. Нашъ милиціонеръ говорилъ имъ, чтобы они образумились и сдались сами, потому что русскихъ такъ много, что ихъ гору разберутъ по кускамъ, и тогда шурядамъ будетъ плохо; а они отвѣчали, что ежели еще сто такихъ отрядовъ придетъ, то и тѣ не возьмутъ Гунибъ, или, какъ его называли мѣстные жители, Гуни, потому что на эту гору ведетъ одна тропа, противъ которой ежели поставить бабу съ ружьемъ, то и она не пуститъ никого, и что противъ той тропы не бабы стоять, а три каменные стѣны, охраняемыя самыми отчаянными джигитами-шурядами: значить никто влѣзть туда и не думай.

На горѣ, вѣроятно, были и бѣглые солдаты, потому что иногда очень часто по-русски кричали намъ: «зачѣмъ вы пришли сюда? мѣста вамъ мало что-ли?» Конечно, эти вопросы пересытаны были самыми краснорѣчивыми словами.

Когда возвращались, одного стрѣлка контузили въ лѣвый бокъ. Пуля щельнула о ребро такъ отчетливо, что мы всё услышали звукъ, а стрѣлокъ только ухватился за бокъ. Съ него сняли патронташъ и ружье, но онъ самъ дошелъ до лагеря.

Вторникъ, 11-го августа.

Въ два часа пополудни, нашъ сводно-стрѣлковый баталіонъ отдѣлился отъ 2-го баталіона и пошелъ на ту позицію, которую вчера выбралъ командиръ полка.

Впередъ послали съ шанцевымъ инструментомъ первую роту рвать тропинку, потому что вчера мы ходили безъ выюговъ, да и то еле-еле могли пробраться, а сегодня, иди со всѣми тяжестями, растеряли бы если не всё, то, по крайней мѣрѣ, половину ихъ.

На этой позиціи предполагалось стоять до тѣхъ поръ, пока Шамилъ не сдастся, или пока не прикажутъ идти на штурмъ. Поэтому мы устроивались получше. Офицеры прилежали своимъ денщикамъ сложить койки изъ дерна и на нихъ расположились спать. Въ палаткахъ, вмѣсто толумбаса, красовались дерновые столы, на которыхъ торчали подсвѣчники, лежали разбитое зеркало и гребешокъ; на немъ же примачивали самоваръ и подавали обѣдъ и ужинъ.

Дни у насъ стоятъ отличные. Воздухъ чистый и прохладный; ночи же прехолодныя, такъ что спать подъ шубою какъ разъ впору. Мѣсто для лагеря выбрано отличное. Дуговая площадка раздѣлена небольшоимъ оврагомъ; по обѣ стороны его стоитъ нашъ баталіонъ. На этой площадкѣ были такіе камни, что громадностію своею напоминали давно невидѣнные русскіе двухъ-этажные дома. Бока камней были ровные, словно великаны трудились надъ ихъ отдѣлкою; вершины же поросли травою, а на одномъ росла даже дикая слива.

До разбивки лагеря послали на возвышенное мѣсто пикеть. По немъ мюриды открыли огонь, но наши нарѣзныя ружья скоро заставили ихъ замолчать.

Палатка моя разбита была задомъ къ Гунибъ-дагу и дверями противъ огромной Чемоданъ-горы, или Тилитъ-тоу. У подошвы ея возвышались второстепенныя горы; отъ нихъ тянулись поля, засеянные хлѣбами.

19-го августа, среда.

17-го августа пришелъ къ намъ 18-й стрѣлковый баталіонъ и, переночевавъ, двинулся дальше и расположился лагеремъ за хребтомъ, сѣвернѣе насъ, тоже у подошвы Гунибъ-дага.

Сегодня утромъ получено приказаніе, чтобы по жителямъ Гуниба не стрѣлять, потому что заключено перемиріе.

21-го августа, пятница.

Вчера былъ въ секретѣ. Ночь была отличная, ясная, и мы пролежали благополучно. Впрочемъ, вслѣдствіе перемирія, мюриды не бросали съ горъ камней, но окликали другъ друга довольно часто. Сегодня утромъ возвратился въ нашему баталіону полковой командиръ.

Служба у насъ идетъ однообразная. Прапорщики и подпоручики ходятъ поочереды въ секретъ, а ротные командиры дежурятъ по баталіону и ходятъ съ командами за фуражомъ и за дровами. Бутежи съ пѣсенниками выходили уже изъ моды и всѣ жили очень расчетливо.

По утрамъ мы собираемся въ одно мѣсто, на середину баталіона, и слушаемъ различныя предположенія старыхъ офицеровъ, относительно штурма Гуниба. Капитанъ К* послалъ даже въ штабъ свое предложеніе, приложивъ, вмѣсто плана, снятый мною видъ Гуниба. Другой, капитанъ И*, человекъ рѣшительный, извѣстный всѣмъ своею храбростію, былъ немного похладнокровнѣе и не такъ смѣло грозилъ Шамилю, и хотя въ былое время всюду напрашивался въ охотники, но теперь, смотря на отвѣсныя склады, только качалъ головою и приговаривалъ: «наврядъ-ли возьмемъ съ этой стороны, что-то не видно туда дороги». Но К* горячился, доказывалъ, что возможно, что ему-бы только разрѣшили и онъ со своею ротою возьметъ; что только надо выждать густаго да сухаго тумана, и, прикрытый имъ, онъ нечаянно выйдетъ на гору.

Эти разговоры обыкновенно прерывались капитаномъ М*, который, выйдя изъ своей палатки и расправляя черные длинные бакенбарды, приговаривалъ: «а что, господа, пока еще не взяли Шамиля, не сыиграемъ-ли пульку», и капитаны садились за зеленый столъ; за ними отправлялись прапорщики и рѣзались въ преферансъ гдѣ-нибудь на полу, на коверѣ. У насъ бывали такіе случаи, что у ротныхъ тузовъ въ играхъ часто оставался безъ всѣхъ, но послѣ и онъ жаловался, что у него козырный тузъ не

21-го августа, поведѣльникъ.

Сегодня мы... былъ прерванъ, часу въ де... вторично требовали въ глав... числа.

Отъ должностныхъ узнали мы, что ширванцы заняли тѣ сады, что находятся отъ насъ на противоположной сторонѣ горы, и что они подвигаются къ завадлахъ.

Вторникъ, 25-го августа.

Утромъ, по обыкновенію, вышли мы смотрѣть, что дѣлается на горѣ. Нѣкоторые смотрѣли въ подзорную трубу, но ничего, особеннаго не замѣтили. Все обстояло благополучно.

Часу въ десятомъ я возвращался въ свою палатку и, проходя мимо палатки полковаго командира замѣтилъ, что около нея собрались переводчики и должностные и всѣ внимательно смотрятъ на гору. Я тоже присоединился къ нимъ, и мы замѣтили, что какъ будто-бы солдаты шли по терасѣ. Послѣ этого раздался сигналъ горниста «дѣвому флангу наступленіе», а немного спустя прибѣжали запыхавшіеся солдаты съ пикета, и отъ усталости еле-еле могъ выговорить, что такой-то офицеръ кричитъ, что бы мы шли къ нимъ на помощь на гору.

Услышавши это, командиръ полка приказалъ играть «къ столу и бѣгомъ»; наши молодцы живо разобрали обѣдъ и въ нѣсколько минутъ уже строились на линейкахъ.

Меня полковой командиръ послалъ передать приказаніе командиру 1-й роты, чтобы онъ назначилъ 20 человекъ съ шанцевымъ инструментомъ, и чтобы люди эти тотчасъ взбирались на гору.

За ними потянулась 5-я стрѣлковая рота, а за нею 1-я стрѣлковая, 4-я стрѣлковая и 1 и 17-я нумерныя роты. Командиръ полка, баталіонный командиръ и нѣсколько опытныхъ ротныхъ командировъ, поѣхали по обходной тропѣ верхомъ; остальные офицеры шли при своихъ ротахъ.

Выбравшись на площадку, гдѣ ночью лежалъ секретъ, а днемъ находился пикетъ, начальство къ намъ присоединилось и, оставивъ лошадей, пошли съ нами пѣшкомъ.

Много бодрости придавала намъ двойная опасность: первая и главная—это сбрасываемые съ терасъ идущими надъ нами солдатами камни; они были довольно большіе и падали прямо къ подошвѣ горы, и осколками уже успѣли ранить двоихъ или трехъ солдатъ; вторая хотя не такъ грозная, потому что отъ нея можно защититься—это горцы, рѣскавшіе у подошвы горы; между ними было нѣсколько женщинъ, которыя страшно рыдали, рвали на себѣ волосы и, ругая насъ, бѣгали взадъ и впередъ, какъ будто ихъ кто гонялъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это жены и сестры тѣхъ миридовъ, кото-

рше находимся при Шамиль да Гунибъ; видя, что мы идемъ безъ всякаго сопротивленія на гору, онѣ полагади, что все близкіе ихъ сердцу уже не существуютъ на атомъ саѣтъ.

Тропинка на первой терасѣ была еще смонная, хотя и очень узкая; но когда мы взошли на вторую терасу и повернули направо, то она де того стужалась, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно было утвердить на ней ногу. Кроме того, по ней какъ-бы насыпано было множество круглаго щебня, по которому скользила нога. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приходилось перепрыгивать черезъ овраги довольно широкіа, а какъ взглянешь внизъ и увидишь бездонную пропасть, то, несмотря на крѣпость нервъ, въ глазахъ мутитъ, и голова идетъ кругомъ.

Прывая черезъ одинъ изъ такихъ овраговъ, я чуть не оборвался внизъ. За мною бѣжала собаченка черучика А", и когда я, перепрыгнувъ на другой край оврага, только что сталъ укрѣпляться на немъ, она прыгнула мнѣ между ногъ, и я отшатнулся назадъ. На счастье мое, прыгнувшій передо мною солдатъ придержалъ меня за рукавъ сюртука и избавилъ отъ конечной гибели.

По тропинкѣ было три завала, которые разорили, сколько могли, рабочіе 1-й роты; но оставшіеся саѣды доказывали, что они были такой ширины, что заслоняли собою всю тропу.

Наконецъ вошли мы какъ-бы въ щель самой горы, и очутились на ровной площадкѣ. Прямо передъ нами тянулось широкое ущелье съ небольшими хуторами, а правѣе возвышались каменистыя горы.

Роты выстроились и пошли, съ командиромъ полка, къ самому аулу Гунибу, въ которомъ, говорили, заперся Шамиль, а нашу 5-ю стрѣлковую роту оставили при спускѣ на тропу, по которой мы подыались, и приказали никого не пропускать безъ записки ни туда, ни обратно.

Все мы крѣпко устали и легли отдыхать. Мусульманскіе всадники, съ арканами, скакали по разнымъ направленіямъ и ловили лошадей. Лошадей этихъ они продавали офицерамъ отъ 5 до 10 рублей. Я хотѣлъ купить, но товарищи отсвѣтывали, говоря, что ихъ прикажутъ возвратать жителямъ и только пропадутъ даромъ деньги.

Я, со взводомъ, стоялъ отдѣльно отъ ротнаго командира; при мнѣ было нѣсколько мусульманскихъ всадниковъ. Я разговаривалъ съ ними и любовался, съ какою ловкостью ихъ товарищи ловили лошадей. Вдругъ одинъ изъ нихъ вскочилъ, выхватилъ проворно изъ чуха винтовку, отбѣжалъ нѣсколько шаговъ вправо и приложившись выстрѣлялъ. Изъ пещеры раздался тоже выстрѣлъ,

чуля просвистала мимо насъ, но никого не ранила. Всадникъ подбѣжалъ еще ближе къ пещерѣ, выстрѣлялъ изъ пистолета и, вытащивъ трупъ мюрида, обобралъ платье и оружье, и какъ будто исполнивъ службу, возвратился ко мнѣ и продолжалъ начатый разговоръ.

Спустя не болѣе часа или полутора часа по нашемъ приходѣ на гору, прискакала всадникъ съ запискою, въ которой сказано было: «оставить небольшой постъ съ унтеръ-офицеромъ при спускѣ, а съ ретей идти въ баталіону, стоящему у стѣнъ аула Гунибъ».

Мы очень обрадовались этому приказанію; рота въ одну минуту была собрана и тянулась, по указанію того-же всадника, по ущелью. Дорогою онъ сообщалъ намъ, что Шамиль не хочетъ сдаваться, и что скоро пойдемъ на штурмъ аула.

Я думаю, что гора Гунибъ-дагъ не болѣе 4 или 5 квадратныхъ верстъ, но ошибся жестоко. Шли мы ущельемъ очень долго, спускались съ балки, влѣзали на гору, шли косогоромъ, а все не было видно аула.

Наконецъ, войдя на небольшой холмъ, мы увидѣли небольшой, но массивный аулъ. Вкругомъ его были расположены войска гренадерской и 21-й пѣхотной дивизіи; кромѣ ихъ были еще линейный баталіонъ и 18-й стрѣлковый баталіонъ. Артилерія расположилась на позиціи въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мусульманскій постъ находился блисъ дороги изъ аула къ Кара-Койсу.

По правую и лѣвую сторону этой дороги виднѣлся березовый лѣсъ, въ которомъ, говорили, была жаркая схватка мюридовъ съ ширванцами. Когда мы присоединились къ баталіону, то мюриды уже не стрѣляли по насъ, и мы подошли къ аулу очень близко. Ясно можно было видѣть лица звѣроподобныхъ мюридовъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, въ бѣлыхъ папахъ и черкескахъ. Они прохаживались взадъ и впередъ по кривымъ улицамъ аула и поглядывали на насъ очень недружелюбно.

Въ самомъ аулѣ шли переговоры. Въ ожиданіи конца ихъ, мы стояли въ баталіонныхъ колонахъ, вызвали впередъ пѣсенниковъ, и поднялся въ отрядѣ страшный шумъ.

Отъ нечего-дѣлать, нѣсколько офицеровъ отдѣлились впередъ и, взойдя на крышу крайней сакли, рассматривали что происходитъ внутри аула. На улицахъ, кромѣ разгуливающихъ вооруженныхъ мюридовъ, никого не было видно; женщины и дѣти заперлись въ сакляхъ и, вѣроятно, ожидали смерти. Недолго мы рассматривали: за нами послало начальство и, сдѣлавъ выговоръ, обѣщало арестовать за отлучку отъ своей части.

Вскорѣ пріѣхалъ адъютантъ отъ главнокомандующаго и передалъ полковому командиру слѣдующее: «Если переговоры полковника Лазарева не увѣнчаются успѣхомъ, то аулъ начнутъ бомбардировать. По четвертому выстрѣлу войска должны, съ крикомъ ура броситься на аулъ и стараться взять Шамиля живымъ. Тому, кто возьметъ Шамиля, назначена награда въ 10,000 руб. сер.» Сакля, въ которой жилъ Шамиль, была намъ указана тѣмъ-же адъютантомъ; она была выше всѣхъ, и, кажется, что это была не сакля, а главная мечеть.

Но вотъ и солнце начало клониться къ западу, а мы все стоимъ подъ ауломъ и поемъ пѣсни... Составились кружки, пошли толки о штурмѣ; у всякаго было желаніе поймать Шамиля и, вмѣстѣ съ отличіемъ, получить въ придачу такой капиталъ.

На противоположномъ отъ насъ концѣ аула, что-то засуетилось... Пѣсенники сами-собою умоляли и водворилась грозная тишина. Всѣ смотрѣли на тотъ конецъ аула. Наконецъ увидѣли полковника Лазарева, извѣстнаго всѣмъ своею колоссальною фигурою, выходящаго изъ аула съ горцами... Намъ сказали, что это вышелъ Шамиль со своими приближенными.

Сдѣлавъ отъ аула нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ остановился; мы думали, что не струсилъ ли онъ и не хочетъ ли дать тягу, и всѣ смотрѣли на него со вниманіемъ. Но вотъ скомандовали намъ «кругомъ и шагомъ маршъ!» Что за диво! еще Шамиль не въ нашихъ рукахъ, а мы уже идемъ назадъ!... Но насъ сейчасъ же остановили. Эта команда произошла вотъ по какому случаю. Шамиль, выйдя изъ аула, увидѣлъ по правую сторону дороги весь мусульманскій полкъ, въ которомъ служили самые закоренѣлые его враги. Не зная нашей дисциплины и боясь со стороны мусульманъ какого-либо скандала, онъ остановился и просилъ отослать ихъ подальше отъ дороги. Мусульманскому полку скомандовали «кругомъ»; баталіонные командиры, полагая, что это и до нихъ касается, тоже одинъ за другимъ стали командовать кругомъ: команда дошла и до насъ.

Когда же Шамиль отошелъ отъ аула на такое разстояніе, что уйти обратно не было возможности, весь отрядъ грянулъ «ура», немолкавшее нѣсколько минутъ. «Ура» безъ приказанія и отъ чистаго сердца!... Поздравленіе и радость были у всѣхъ на языкѣ и на глазахъ.

Я отпросился у баталіоннаго командира посмотреть на выходящихъ изъ аула мюридовъ и на семейство Шамиля; но до моего прихода семейство его уже удалялось, и только жители выходили изъ аула. Горцы позажиточнѣе вывозили имущество на арбахъ, а побѣд-

нѣ навьючивали ословъ и жонъ, и на нихъ выносили свои пожитки изъ аула.

Къ вечеру всѣ войска разошлись по своимъ мѣстамъ; только храбрыя апшеронцы и дагестанцы оставались на Гунибѣ. Апшеронцы были въ караулѣ у сакли Шамиля, а дагестанцы оцѣпили аулъ и никого туда не пускали.

Четвертъ, 27-го августа 1859 года.

Вчера былъ отданъ приказъ по кавказской арміи слѣдующаго содержания:

«№ 288-й, 26-го августа. Лагерь на Кегерскихъ высотахъ.

«Шамиль взятъ, поздравляю кавказскую армію.

Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій».

Стрелковъ Н. Н.